

В. Е. Воронин

«НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ...»

**БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ
РУССКИХ И ФРАНЦУЗОВ (по следам 200-летнего юбилея)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Всеволод Воронин

**«Недаром помнит вся Россия...»
Бородинское сражение в
историческом сознании
русских и французов (по
следам 200-летнего юбилея)**

«Прометей»

2016

УДК 94(470)"1812"(082)
ББК 63.3(2)521.1-686я43

Воронин В. Е.

«Недаром помнит вся Россия...» Бородинское сражение в историческом сознании русских и французов (по следам 200-летнего юбилея) / В. Е. Воронин — «Прометей», 2016

ISBN 978-5-906879-00-4

Книга посвящена сложившимся в российском и французском обществе взглядам и представлениям о Бородинском сражении («Битве на Москве-реке») 26 августа (7 сентября) 1812 г., о его итогах и значении. Дан подробный обзор современной отечественной и зарубежной историографии. На основе анализа множества мемуаров участников сражения с обеих сторон, лиц из ближайшего окружения Наполеона, а также суждений самого «императора французов» Наполеона и главнокомандующего всеми русскими армиями и ополчениями князя М. И. Кутузова автор находит свой ответ на вопрос: кто выиграл Бородинское сражение? Книга предназначена для специалистов и всех интересующихся военной историей России.

УДК 94(470)"1812"(082)
ББК 63.3(2)521.1-686я43

ISBN 978-5-906879-00-4

© Воронин В. Е., 2016
© Прометей, 2016

Содержание

От автора о героях и «скептиках»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Всеволод Воронин
«Недаром помнит вся Россия...».
Бородинское сражение в историческом
сознании русских и французов
(по следам 200-летнего юбилея)
Монография

Рецензенты:

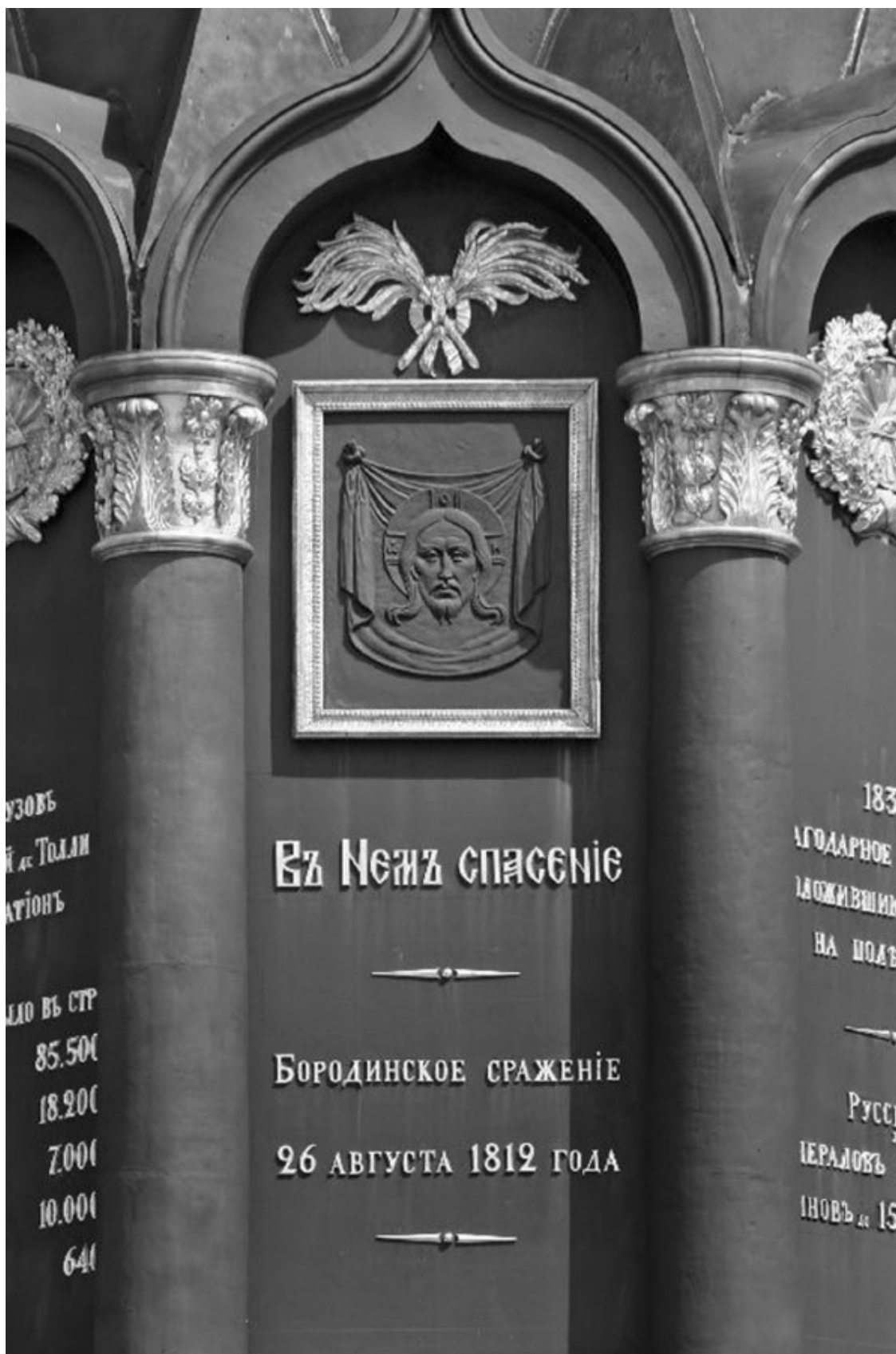
Перевезенцев С. В. – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова;

Полунов А. Ю. – доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова.

© Воронин В. Е., 2016

© Издательство «Прометей», 2016

* * *

От автора о героях и «скептиках» (Историографический аспект)

Вот уже 200 лет память о Бородинской битве священна для русского народа. Бородинское поле – один из старейших в мире воинских мемориалов, возникновение которого относится еще к 1817–1820 гг. В 1817 г. Маргарита Михайловна Тучкова – вдова героически павшего в том сражении генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова, покровительствуемая самим императором Александром I, приобрела три десятины земли близ села Семеновское. Именно здесь в бою за флешу погиб ее муж. В 1820 г. на этом месте была построена церковь Спаса Нерукотворного Образа, а в 1839 г. начал действовать Спасо-Бородинский женский монастырь, игуменьей которого в 1840 г. стала вдова бородинского героя. По случаю 25-летия битвы, в 1837 г., на Бородинском поле впервые состоялись юбилейные торжества. В 1839 г. село Бородино и местность вокруг него были выкуплены императором Николаем I. Здесь, наряду с постройками нового монастыря, находились: храм и усадьба в селе Бородино, памятник воинам русской армии, могила князя П. И. Багратиона (на батарее Раевского), братские могилы, остатки земляных укреплений.

М. М. Тучковой был основан сначала небольшой каменный храм Спаса Нерукотворного – мавзолей в память павших воинов в Бородинском сражении.

Игуменья Мария (М. М. Тучкова), первая настоятельница Спасо-Бородинского монастыря

В годы, когда были живы и еще находились в строю многие участники войны 1812 г., русская оценка Бородинского сражения и других событий той войны была незыблемой. По словам наследника цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II), побывавшего в 1837 г. на Бородинском поле и писавшего об этом отцу – императору Николаю I, здесь «столько пролито крови, с одной стороны, за спасение Царя и Отечества, и с другой – по милости одного ненасытного честолюбца».¹ Конечно, возвращение династии Бонапартов, в лице Луи-Наполеона – императора Наполеона III, к власти во Франции в середине XIX в. и последовавшие затем неудачи России в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. не могли не привести к пересмотру прежних безапелляционных суждений о Наполеоне I всего лишь как о «ненасытном честолюбце». Ведь бонапартистские идеи вновь воз-

¹ Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л. Г. Захарова, Л. И. Тютюнник. – М., 1999. – С. 98.

обладали во французском обществе, а империя Наполеона III в течение полутора десятилетий являлась сильнейшей державой континентальной Европы. Даже после франко-прусской войны, ставшей причиной падения Второй империи, бонапартистские идеи сохраняли популярность и в течение нескольких лет небезуспешно конкурировали с республиканскими. Президентом Третьей республики в 1873–1879 гг. был один из маршалов Наполеона III – П. де Мак-Магон. Великий князь Константин Николаевич, гостивший в Париже в 1874 г., писал, что во Франции «борьба идет только между республикой и бонапартизмом».²

Спасо-Бородинский женский монастырь, воздвигнутый М. М. Тучковой на месте правой и средней флешей Багратиона

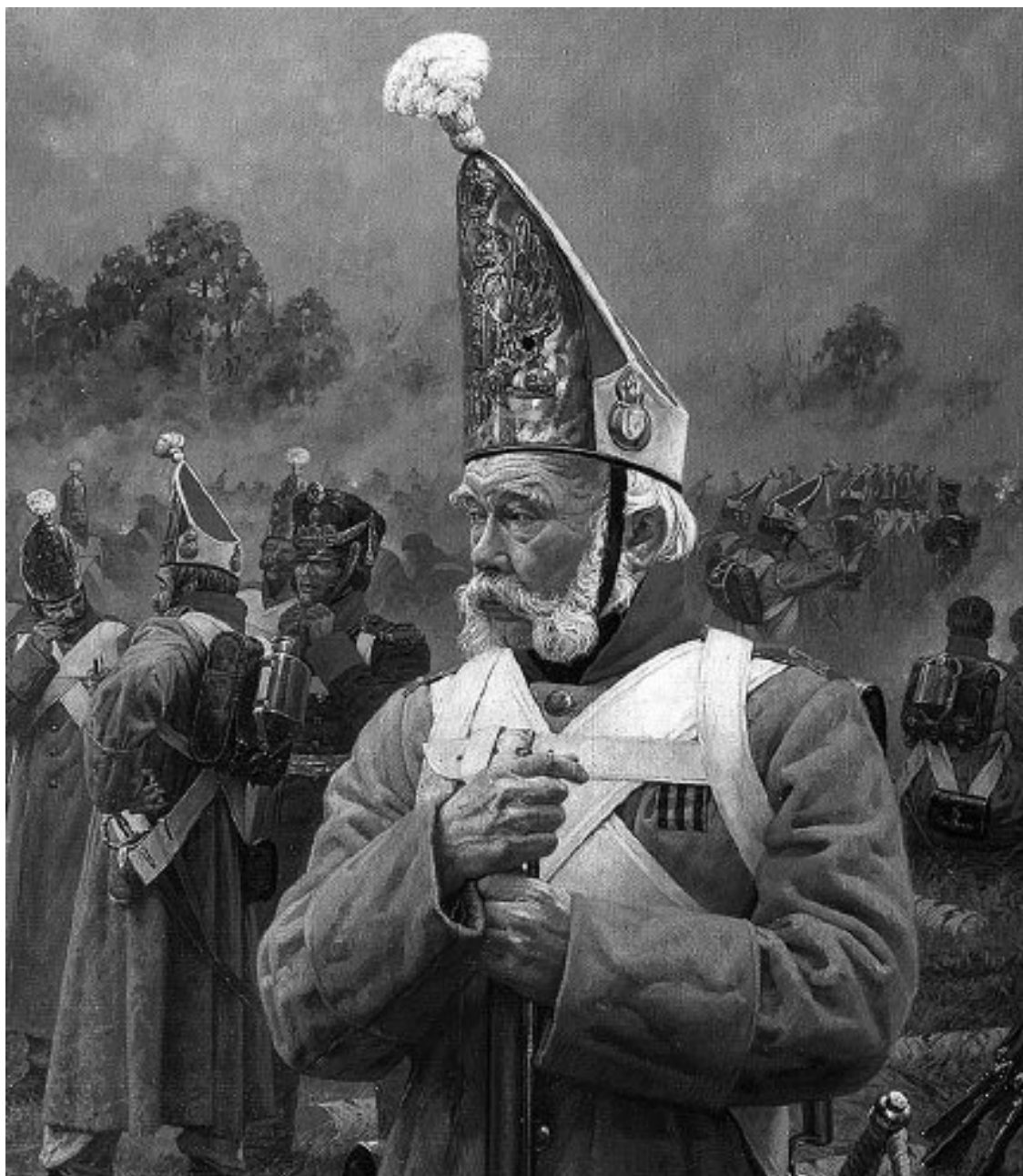
² Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. – Ф. 722. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 48 об.

Генерал-майор А. А. Тучков

Монумент Кавалергардам и Конной гвардии. Памятник 1812 г. Установлен в год 100-летия Бородинской битвы

«Ветеран». Худ. А. Ю. Аверьянов

Своеобразный компромисс в оценках войны 1812 года и Бородинского сражения был достигнут по случаю 100-летия их памятных дат. В 1912 г. на Бородинском поле были воздвигнуты десятки новых монументов. Они появились в местах, где 26 августа (7 сентября) 1812 г. располагались части русской армии, а также ставки М. И. Кутузова и Наполеона. Были реконструированы и некоторые прежние укрепления. 100-летний юбилей Бородинского сражения проходил под знаком военно-политического союза России и Франции. В канун Первой мировой войны стороны проявляли заинтересованность в дальнейшем сближении. Основой общего взгляда на войну столетней давности стало признание русских и французских героев того времени «братьями по славе», как это и предлагал бывший адъютант Наполеона – французский бригадный генерал граф Ф.-П. де Сегюр, ставший впоследствии прославленным писателем-мемуаристом.³

³ См. об этом: *Ивченко Л.* Не братья по славе? Историография 1812 года: нынешнее состояние // *Родина*. – 2012. –

Очевидцы и участники войны 1812 г. Их разыскивали к празднованию юбилея в 1912 г. Справа налево: А. Винтанюк, 122 года; П. Лаптев, 118 лет; С. Жук, 110 лет; Г. Громов, 112 лет; М. Пятаченков, 120 лет; старушка 107 лет, очевидица Отечественной войны

... Закончился XX век, наступил XXI-й. Немало великих идей и заблуждений прошлого кануло в Лету. Но в России осталась память о великой войне 1812 г., которую и через 200 лет по-прежнему принято называть *Отечественной*, по словам современного историка В. М. Безотосного, «несмотря на все потуги скептиков».⁴

Впрочем, о некоторых «скептиках» следует сказать особо. Их девизом вполне могут стать известные суждения персонажа из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» – Смердякова: «Я всю Россию ненавижу (...) В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого (...), и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».⁵ Самые смелые из «скептиков», наподобие «национал-демократа» Алексея Широпаева, решились прямо солидаризироваться со Смердяковым. Широпаев пишет: «Между тем, мысль Смердякова по своей сути очень неглупа. «Совсем даже были бы другие порядки...» – а почему бы и нет? Взять хотя бы знаменитый «Кодекс Наполеона». Он сметал остатки феодализма и утверждал равенство всех перед законом, главенство права и принцип частной собственности. «Кодекс Наполеона» оказал огромное влияние на дальнейшее правовое становление всей Европы (...) Спрашивается, кому у нас была нужна война с Наполеоном и ее развесистое патриотическое оформление? Ответ очевиден: клану крепостников, живших за счет продажи хлеба в Англию, которая взамен

№ 6. – С. 16

⁴ Безотосный В. А была ли война Отечественной? // Там же. – С. 8.

⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – М., 1973. – С. 249.

поставляла в отсталую Россию промышленные товары (...) Война с Наполеоном была нужна нашим феодалам-крепостникам; они же разрабатывали ширпотребовскую мифологию этой войны в духе квасного патриотизма, именуя Наполеона «антихристом» (...) Смердяков – вот самый интересный и непонятый брат Карамазов. И самый умный, самый глубокий, в чем-то наиболее близкий к народу. Он наиболее смело и интересно заявил тему о России. Независимо от воли автора, он взломал лед ментальных табу. Одной своей фразой он вышел за пределы сусальной «русскости», «православия», «родины», России. Он освободился от России как фетиша, взглянув на нее с точки зрения здравого смысла и нормальных человеческих интересов». ⁶ Очевидно, что применение термина «смердяковщина» к философствованиям «скептика» Широпаева несколько не оскорбит его самолюбие. Скорее, наоборот, польстит ему.

Еще одним таким «скептиком» – разоблачителем самой «мифологизированной войны в русской истории», «так называемой Отечественной», и выводителем «белых пятен» войны России с Наполеоном можно, среди прочих, по праву назвать т. н. «беларуского историка» М. Голденкова. ⁷ Вполне ожидаемым образом развенчав «миф» о войне 1812 г. и переименовав ее из «Отечественной» в «просто русско-французскую войну или войну с Наполеоном», Голденков подчеркнул, что эта война «оккупантов» из «Московии» с французским императором, тем более, не может считаться «Отечественной» в Беларуси. Автор рассматривает войну 1812 г. как цепь военных побед Наполеона над русскими войсками, состоявшими под началом бездарного командования. Не было исключением и Бородинское сражение, в котором главным свидетельством победы Наполеона служат, по мнению Голденкова, соотношение сил перед битвой и цифры потерь сторон. При этом, не утруждая себя анализом противоречивых сведений, автор утверждает, что 135-тыс. французская армия, атаковавшая численно превосходящие ее русские силы – 150 тыс. человек, потеряла «максимум 35.000», а русские – «до 75.000 убитыми, пленными и ранеными, оставленными в Москве». Согласно этой версии, в Москву вошла 100-тысячная армия Наполеона, а покинули город 70-тыс. «силы Голенищева». ⁸ Правда, даже «беларусский историк» не стал оспаривать факт проигрыша Наполеоном войны 1812 г., хотя и снабдил это вынужденное признание веской оговоркой: «Наполеон проиграл не в конкретных битвах, где неизменно демонстрировал умение побеждать, а в самой войне, и прежде всего потому, что не смог проглотить кусок, который надкусил». ⁹ Наконец, достойна восхищения скромность Голденкова, назвавшего свою книгу «изданием для досуга».

По сравнению с двумя вышеназванными «скептиками», Г. Суданов в своей научно-популярной книге «1812. Всё было не так!» (М., 2012) выглядит едва ли не образцом объективности, к которой всячески стремится, развенчивая накопленные обеими сторонами «мифы» (правда, в большей степени русские, нежели французские). Автор не отказал себе в удовольствии раскритиковать «военный гений Кутузова», а также едко высмеять рассуждения некоторых отечественных историков советского и постсоветского времени о «победе русских при Бородине». Тем не менее, он приводит гораздо более реалистичные, чем Голденков, цифры потерь наполеоновской и русской армий: около 35 тыс. чел. в «Великой армии» и 45 тыс. – в русской армии. ¹⁰ Правда, взгляд Суданова далек от новизны, но таковая и не является обязательной для научно-популярного издания. Несомненной заслугой автора, несмотря на его скептическое отношение к «мифам», является признание войны 1812 г. *Оте-*

⁶ Широпаев А. Самый умный из братьев // <http://shiropaev.livejournal.com/141052.html> [25 октября 2012 г.]

⁷ См., например, кн.: Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. – Минск, 2011.

⁸ Там же. – С. 154–175.

⁹ Там же. – С. 231.

¹⁰ См.: Суданов Г. 1812. Всё было не так! – М., 2012. – С. 155–186.

чественной.¹¹ Остается только сожалеть, что факт победы России в этой войне не остановил поток судановских разоблачений даже на последней странице книги, не имеющей ни введения, ни заключения.

Разоблачения, разоблачения, разоблачения... Видная современная исследовательница истории войны 1812 г. и Бородинского сражения Л. Л. Ивченко, говоря о современной отечественной историографии данной проблематики, вспоминает крылатую фразу М. А. Булгакова: «В воздухе приятно запахло разоблачениями».¹² Впрочем, иногда жертвой сегодняшних разоблачителей становится и сам «гений» Наполеона. А. М. Буровский в своей книге с эксцентричным названием «Наполеон – спаситель России. От вас это скрывают!» (М., 2012) в гротескной форме отразил грубейшие политические и военные просчеты этого «несостоявшегося якобинца». Речь идет, прежде всего, об отказе императора Франции от дарования «свободы крепостным», а также о его безрассудной военной авантюре в Великороссии – вторжении «в совершенно непонятные и незнакомые области», где пришлось «иметь дело с противником, логика и поведение которого непонятны и непредсказуемы». Автор поясняет: «Вторгаясь в Россию (*т. е. Великороссию*. – В. В.) в августе 1812 года, он (*Наполеон*. – В. В.) почти гарантированно давал себя победить. И читатель еще удивится, что я называю Наполеона Спасителем?!».¹³ Буровский также не имеет особых сомнений в том, что Бородинскую битву «выиграли русские, потому что французы не смогли добиться своих целей. Русская армия не была разгромлена (...) На следующий день она готова была продолжить бой».¹⁴ Наконец, автор весьма охотно повторяет старую прописную истину русско-советских учебников истории: «Кутузов сдал Москву и тем самым сохранил армию. Сохранив армию, он сохранил и Россию». Последний тезис нашел в книге творческое развитие: «Наполеон совершил прямо противоположное: он погубил свою армию и тем самым обрек на взятие Париж, и на поражение Францию».¹⁵ От восторгов по поводу спасения России в 1812 г. Буровский, однако, удерживается в силу того ужасного обстоятельства, что спасенная Россия была «крепостнической» и что ее «войны с Наполеоном придали устойчивости государственному организму».¹⁶

Легкомысленные, а нередко – кощунственные, словоизвержения некоторых «историков-профессионалов», «историков-любителей» и разного рода «шоуменов» от истории, вытаптывающих историческую память народа о великой войне 1812 г. под лозунгом борьбы с «мифами», наталкиваются на негодующие протесты ученых и работников культуры, посвятивших себя сохранению исторических реликвий нашего Отечества. Л. Л. Ивченко, ныне являющаяся главным хранителем музея-панорамы «Бородинская битва», пишет: «Перефразируя Наполеона («Франция осталась без истории»), мы оставили Россию без истории Отечественной войны 1812 года. Накануне 200-летнего юбилея мы добились того, что в общественном сознании поселились сомнения в героизме и мужестве наших предков; в то же время на полках книжных магазинов уже скопились нераспроданные книги о Наполеоне. Не присоветуют ли нам отмечать 200-летие нашествия Наполеона на Россию? Разрушая «мифы», мы почти лишили юбилей смысла...».¹⁷

¹¹ Там же. – С. 5.

¹² Ивченко Л. Указ. соч. // Родина. – 2012. – № 6. – С. 16.

¹³ Буровский А. М. Наполеон – спаситель России. От вас это скрывают! – М., 2012. – С. 350–351.

¹⁴ Там же. – С. 364.

¹⁵ Там же. – С. 390–391.

¹⁶ Там же. – С. 414.

¹⁷ Ивченко Л. Указ. соч. // Родина. – 2012. – № 6. – С. 16.

Памятник 24-й пехотной дивизии генерала П. Г. Лихачева

Памятник 1-му и 19-му Егерским полкам

Главный монумент войны 1812-го года. Воздвигнут Николаем I в 1839 г.

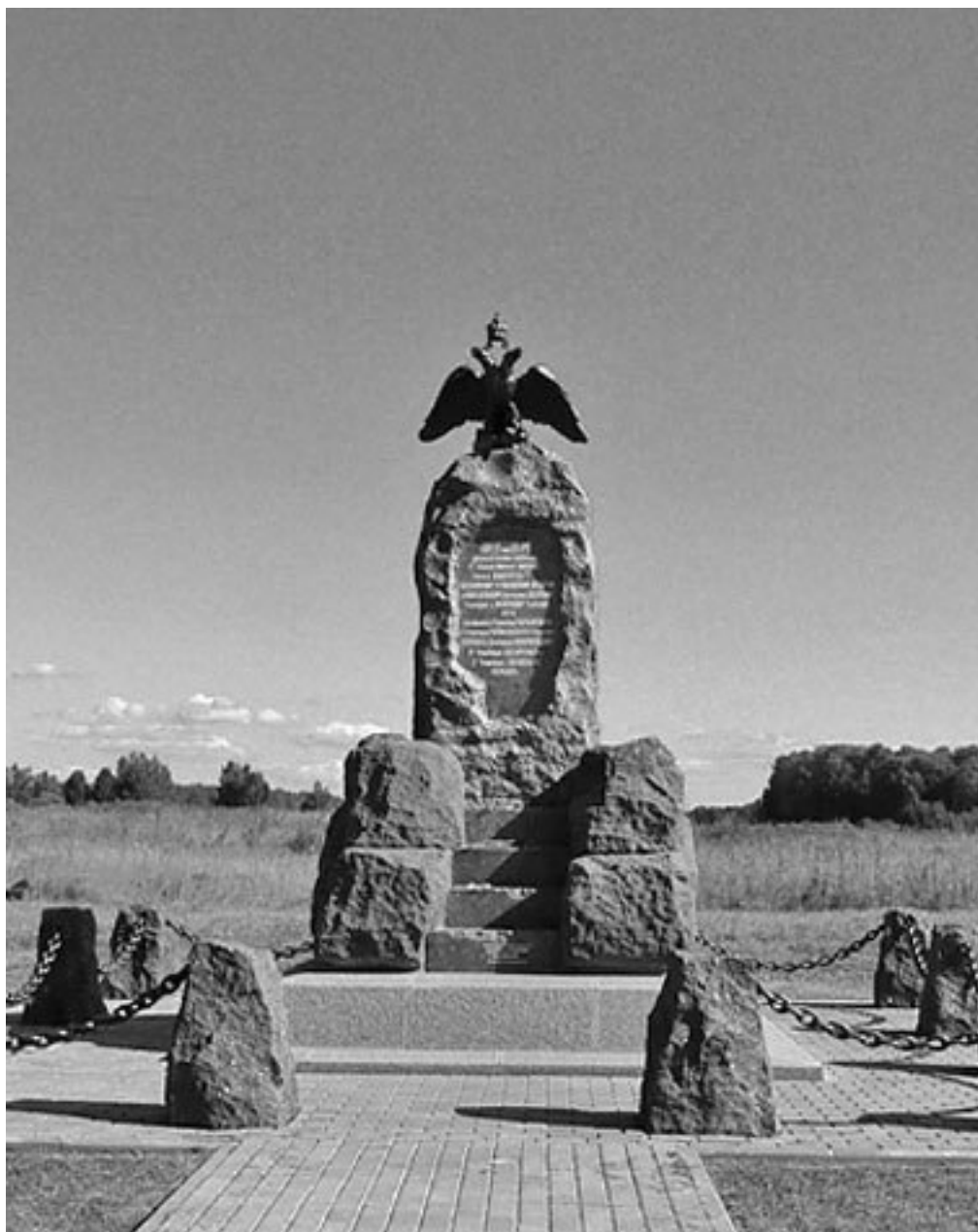
Памятник М. И. Кутузову на Бородинском поле

Памятник Лейб-Гвардии Егерского полка

Памятник пионерным (инженерным) войскам

Памятник 4-му кавалерийскому корпусу генерала К. К. Сиверса

Памятник «Благодарная Россия – своим защитникам»

Читая нынешние дилетантские, но оскорбительные памфлеты на тему войны 1812 г., невольно возвращаешься к первопричинам их появления – губительной «перестройке», приведшей к развалу великой страны в 1991 г., и последующим попыткам вульгарной коммерциализации области исторического знания. Впрочем, начало «перестройки» в отечественной исторической науке было ознаменовано самыми «благими намерениями» ряда довольно талантливых историков, привычно шедших «в ногу со временем». В 1988 г. вышла книга Н. А. Троицкого «1812. Великий год России». Ни патристическое название, ни общее содержание книги, в принципе, не ставили под сомнение давно заученные хрестоматийные выводы о ходе и итогах войны, о значении ее главных событий. При описании Бородинского сражения автор, правда, позволил себе смелую оценку «рейда Уварова и Платова» как неудачного и не оказавшего существенного влияния на ход сражения. «Обходный маневр и удар по левому флангу Наполеона, на что рассчитывал Кутузов в надежде перехватить инициативу боя, не удалось, – назидательно замечает Троицкий. – Восторги историков по поводу рейда Уварова

и Платова лишены поэтому оснований» (при этом имена таких «историков» не упомянуты). Впрочем, Троицкий здесь же оговаривается: «Тем не менее этот рейд был полезен для русской армии и делает честь Кутузову как главнокомандующему. Он отвлек внимание Наполеона (...) и заставил его на два часа приостановить штурм Курганной высоты. Дивизию Молодой гвардии, уже изготовившуюся к атаке, Наполеон вернул в резерв. Тем временем Кутузов успел перегруппировать свои силы...».¹⁸ Комментарий Троицкого по своему содержанию мало чем не отличается от раскрытия данного сюжета в известном «сталинском» художественном фильме «Кутузов» (реж. В. М. Петров, 1943), научным консультантом которого был академик Е. В. Тарле. Там, рапортуя о проведенном рейде, атаман М. И. Платов (актер С. К. Блинников) сообщает, что «атака не удалась»; М. И. Кутузов (актер А. Д. Дикий), со своей стороны, опровергал вывод опечаленного атамана тем, что «не двинул Наполеон гвардию». При оценке потерь сторон Троицкий сначала указывает, что французские потери были «не меньше» русских, хотя последние потеряли «гораздо больше, чем предполагалось».¹⁹ Затем, анализируя итоги сражения, он, однако, возвращается к этому вопросу и приводит некоторые из многочисленных и очень противоречивых версий, имеющих на сей счет в отечественных и зарубежных источниках и историографии. В этой работе Троицкий не формулирует собственную версию французских потерь, а в приводимых им версиях эти потери составляют от 28.086 до 58.478 чел. В свою очередь, потери русских, по версии Троицкого, сформулированной на основании данных Военно-ученого архива Главного штаба,²⁰ составили 45,6 тыс. чел.²¹

Новаторство Троицкого, одухотворенное оптимизмом первых лет «перестройки», начинается с характеристики «итогов» Бородинского сражения. По мнению историка, «формально Наполеон был вправе объявить себя победителем», так как «занял все основные пункты русской позиции», вынудив русские войска отступить, а потом и оставить Москву. После обнародования своего тезиса Троицкий обрушился с критикой на П. А. Жилина, обвинявшего «буржуазную историографию» в «грубой фальсификации – стремлении представить Бородино как победу Наполеона».²² Апеллируя к высшим авторитетам «марксистской» исторической науки, он писал: ««Бородино как победу Наполеона» представляли Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Франц Меринг и М. Н. Покровский, редколлегия ленинской «Правды», которые никакого отношения к буржуазной историографии не имели и ни к какой фальсификации не прибегали. Если судить об исходе Бородинской битвы по материальным результатам (а речь шла именно об этой стороне дела), такой вывод закономерен».²³ Уточнив, что «Наполеон хотя и добился материального успеха, главной своей задачи – разгромить русскую армию – при Бородине не решил», Троицкий объявил о «нравственной победе русских войск под Бородином». Вместе с тем, он резко критиковал историков утверждавших, «будто Кутузов оставил древнюю столицу России *побежденному* врагу». Троицкий настаивал на том, что «главной» задачей Кутузова при Бородине было «спасение Москвы» и что «это ему не удалось».²⁴ Он процитировал слова Наполеона, сказанные на острове Св. Елены 24 августа н. ст. 1816 г. и запечатленные графом Э.-О. Лас-Казом в его труде *«Мемориал Святой Елены»*: «Битва на Москве-реке была одной из тех битв, где проявлены наибольшие

¹⁸ Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. – М., 1988. – С. 167.

¹⁹ Там же. – С. 172, 174.

²⁰ См.: РГВИА. – Ф. ВУА.

²¹ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 174–176.

²² См.: Жилин П. А. О войне и военной истории. – М., 1984. – С. 454.

²³ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 176–177.

²⁴ Там же. – С. 177.

достоинства и достигнуты наименьшие результаты»²⁵ (*курсив мой.* – В. В.). Приведенную фразу Троицкий не считал доказательством признания Наполеоном своего поражения «при Бородине», и тактично заметил: «Не в материальном, а в моральном и даже в политическом отношении (если учитывать последующий ход войны) Бородино, безусловно, победа России (...) Нравственная победа русских войск под Бородином столь велика, что не нуждается в искусственном подтягивании до уровня победы материальной, которая и после Бородина оставалась делом будущего, теперь уже – недалекого».²⁶

Наконец, Н. А. Троицкий, «для правильного усвоения исторических уроков», предложил «критически оценить просчеты русского командования в Бородинской битве, которые не только не позволили русским добиться большего, но и могли привести их к худшему». Он энергично развенчал «мнение» о том, что инициатива в Бородинской битве принадлежала Кутузову, а не Наполеону. По словам Троицкого, «Наполеон диктовал ход сражения, атакуя все, что хотел и как хотел, а Кутузов только отражал его атаки», но так и не сумел, в конечном итоге, удержать «ни Багратионовых флешей, ни батареи Раевского». Вывод историка категоричен: «... Располагая меньшими силами, Наполеон создавал на всех пунктах атаки (Шевардинский редут, Бородино, флеша, батарея Раевского, Семеновская, Утица) «превосходство, доходящее до подавляющего», и в пехоте, и в коннице, и в артиллерии». Виновником подобного положения дел на поле сражения в книге Троицкого было объявлено русское командование (т. е. лично Кутузов). Военачальником, спасшим русскую армию от еще более тяжелой ситуации, назван М. Б. Барклай де Толли, который «время от времени брал инициативу руководства битвой на себя и успевал предотвратить прорыв то левого фланга русской позиции (вовремя подкрепив его корпусом К. Ф. Багговута), то ее центра (стянув сюда корпуса Ф. К. Корфа и К. А. Крейца)». Кроме того, несмотря на количественное и качественное превосходство русской артиллерии над французской, «французы превосходили русских в маневренности и мощи артиллерийского огня». Поэтому, по разным данным, русскими было выпущено по неприятелю от 20 до 60 тыс. снарядов, а французами – от 60 до 90 тыс. Русским войскам удалось избежать «гибельных последствий» ошибок своего командования благодаря «просчетам» самого Наполеона. Последние, с точки зрения Троицкого, состояли, во-первых, в недостаточной активности «действий против русского правого фланга, что позволило Кутузову и Барклаю де Толли беспрепятственно перебрасывать свои войска справа налево». Во-вторых, заняв флеша и Семеновское, Наполеон «не закрепил этот успех». В-третьих, «после взятия Курганной батареи он не ввел в дело гвардию для решающего прорыва в центре».²⁷

«Главным героем Бородина» Н. А. Троицкий, твердо следуя «марксистско-ленинским» постулатам о ведущей исторической роли «народных масс», объявил «русского солдата»,²⁸ спасшего свою армию от разгрома, невзирая на таланты Наполеона и ошибки Кутузова. Так, в позднесоветской исторической науке началось «преодоление культа личности» Кутузова, «непомерно» возвеличенного во времена другого – еще большего «культа». Особую важность Троицкий придавал своему положению о том, что Бородино хотя и является «национальной гордостью России, символом ее непобедимости», но «не привело к перелому в ходе войны», в частности, из-за нехватки, на тот момент, «массового подъема народа».²⁹

²⁵ Las Cases E. Mémorial de St.-Hélène. – Т. 2. – Р., 1823. – Р. 166. Русский перевод сочинения гр. Лас-Каза «Мемориал Святой Елены» (в 2 кн. М., 2010) является «сокращенным». Он не содержит этого суждения Наполеона, а также других, по мнению издателей, «чрезмерных подробностей военных сражений».

²⁶ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 178.

²⁷ Там же. – С. 178–181.

²⁸ Там же. – С. 181.

²⁹ Там же.

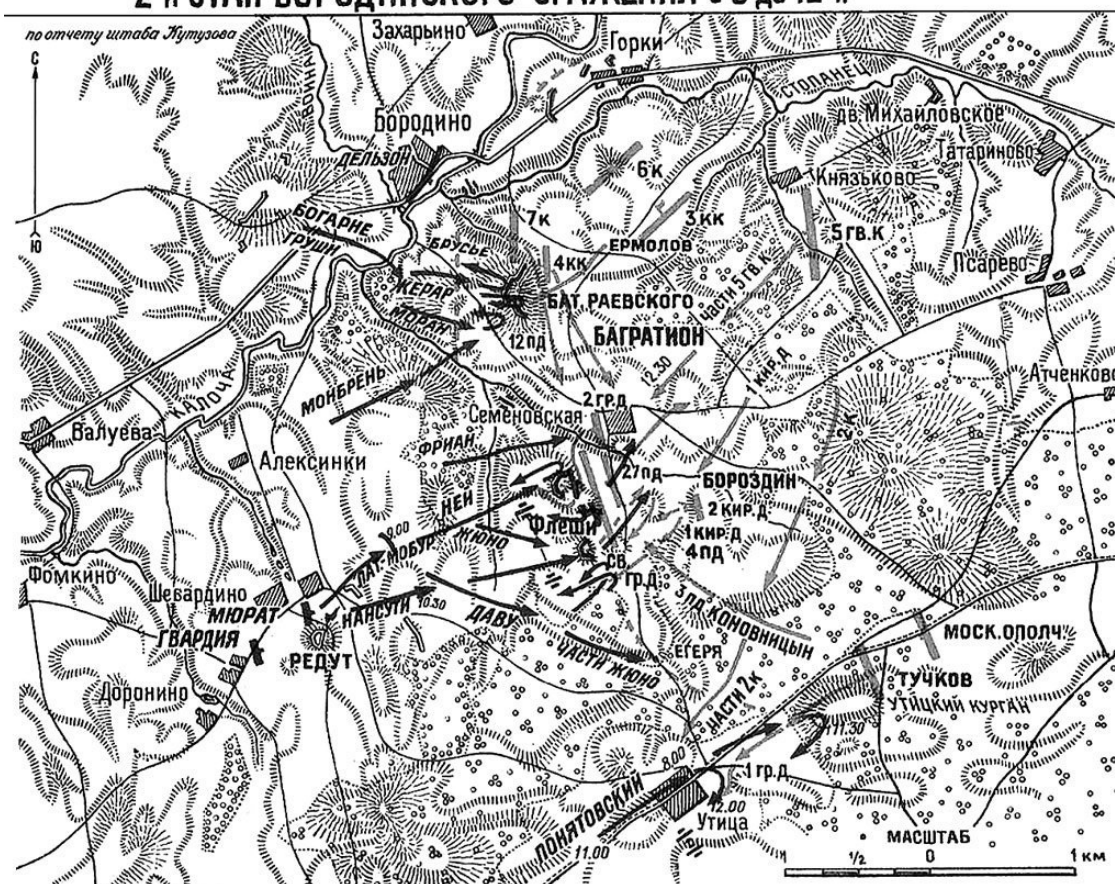
Памятник гренадерам Павловского полка. Воздвигнут в 1912 г. в честь 100-летия Бородинской битвы

Таким образом, в изучении войны 1812 г. и Бородинского сражения впервые, после десятилетий «культа» и «застоя», было сказано «новое слово», основанное на верности «марксизму-ленинизму», который все еще номинально оставался официальной идеологической доктриной. В 1990-е гг., окончательно освободившись от гнета советской цензуры, Н. А. Троицкий без обиняков выложил свои, нелицеприятные для русского командования, данные о соотношении сил перед Бородинским сражением и о потерях сторон. По его версии, армия Наполеона насчитывала 133,8 тыс. чел. (из них 19 тыс., составлявшие гвардию, находились в резерве и не участвовали в битве), а также 587 артиллерийских орудий; общая численность русских войск достигала 154,8 тыс. чел. (из них 115,3 тыс. – регулярные войска, 11 тыс. казаков и 28,5 тыс. ополченцев, все резервы были израсходованы в ходе сражения). Признавая за русскими, как и за французами, «основания» праздновать день Бородинской битвы «как свою победу», Троицкий, в то же время, отметил, что «ход сражения сложился в пользу Наполеона», располагавшего «меньшими силами», но «к концу битвы» занявшего на поле боя «все русские позиции». Отметив, что, добившись оставления Москвы русскими войсками, Наполеон «счел Бородинскую битву выигранной тактически и стратегически», историк также дезавуировал свое прежнее утверждение о примерном равенстве потерь сторон при Бородине. На этот раз Троицкий заявил, что «соотношение потерь тоже говорило в его (*Наполеона*. – В. В.) пользу». Повторив свою версию о том, что русские потери составили 45,6 тыс. чел., он доверился данным Архива Военного министерства Франции о потерях французов общей численностью 28 тыс. чел. Бородинскую «победу» Троицкий оставил сразу за обеими сторонами: тактическую и стратегическую отдал Наполеону, моральную и «даже» политическую (с учетом «последующего хода войны») – русским.³⁰ В начале XXI в. историк нанес новый удар по старым, оставшимся с советских времен, «мифам» о Кутузове, «истинный масштаб личности» которого, по словам Троицкого, «меньше той *видимости*, которую он обретает» в войне 1812 г. Отбросив все дежурные реверансы Кутузову, в большом количестве присутствовавшие в книге «1812. Великий год России», Троицкий показал, что рассматривает Главнокомандующего всеми русскими армиями и ополчениями в Отечественной войне как заурядную и во многом случайную фигуру: «Вопреки русской поговорке «Не место красит человека, а человек – место», здесь перед нами скорее классический пример того, как и место в определенной степени красило человека».³¹

³⁰ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций. – М., 1999. – С. 44–45.

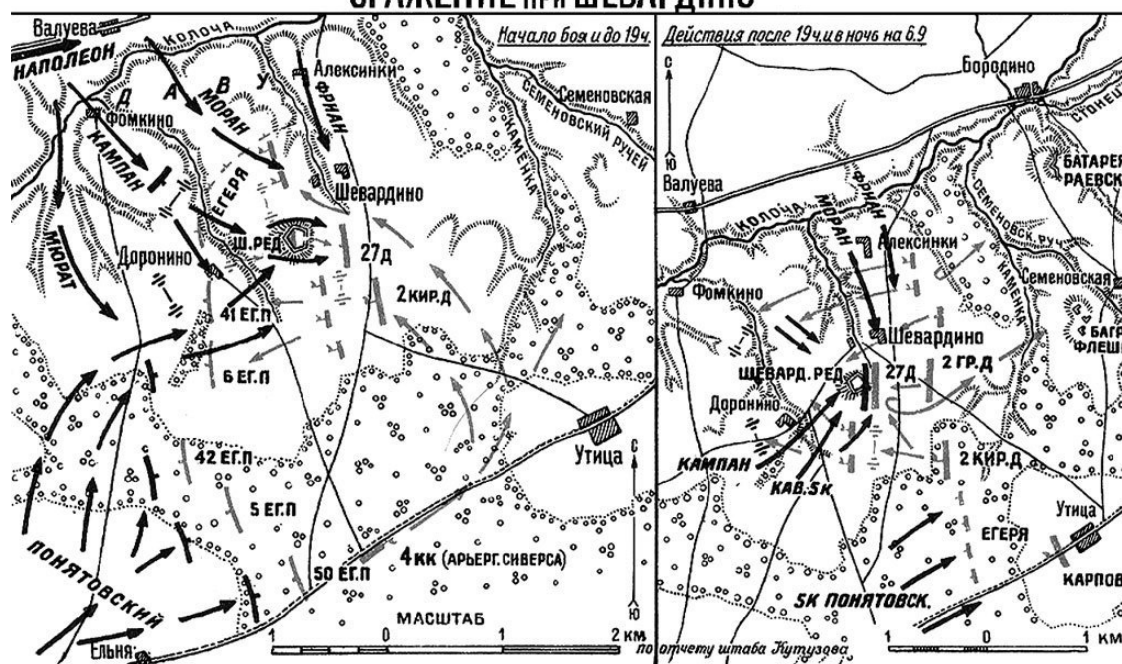
³¹ Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. – М., 2002. – С. 6.

2-й ЭТАП БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ с 9 до 12 ч.

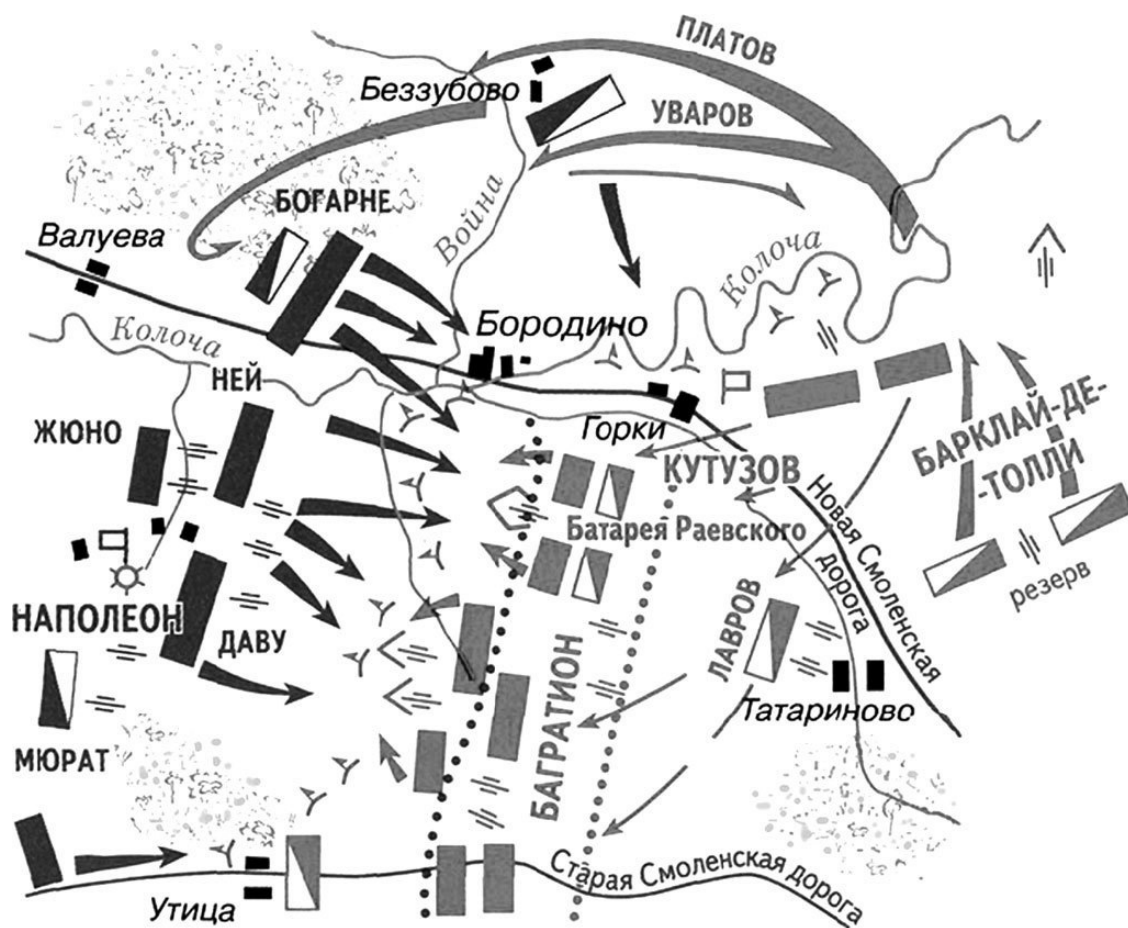

Второй этап Бородинского сражения, 26 августа 1812 г., с 9 до 12 час.

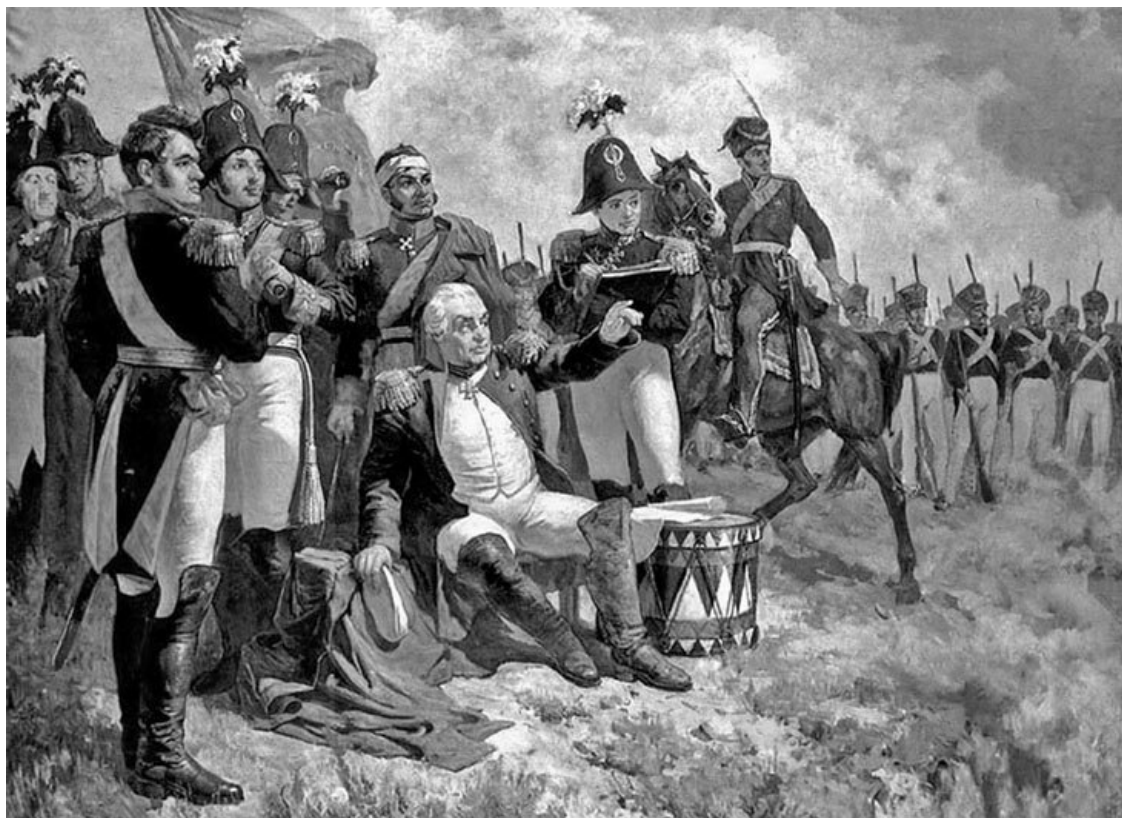
СРАЖЕНИЕ при ШЕВАРДИНО

Сражение при Шевардино, 24 августа 1812 г.

Бородино. Общая картина боя

«Кутузов во время Бородинского сражения». Худ. А. Шепелюк

«Наполеон на Бородинских высотах». Худ. В. Верещагин, 1897 г.

Действительно, если следовать логике Н. А. Троицкого – ярчайшим образцом излишнего преувеличения исторической роли Кутузова является Бородинское сражение, бездарно им проигранное. Армия Наполеона, уступавшая русским войскам в численности личного состава и артиллерии, полностью владела инициативой и, потеряв, как минимум, в 1,5 раза меньше солдат, чем ее противник, захватила ключевые пункты русских позиций при Бородине, а затем вынудила «расстроенные»³² (т. е. разбитые) русские армии продолжить отступление и сдать Москву. Правда, Троицкий не решился прямо назвать Бородино поражением России. Пафос ученого был направлен на опровержение версии о том, что русские одержали *решающую военную победу* в этом сражении.

Впрочем, эти усилия Троицкого выглядят напрасными и представляют собой, как говорят французы, *coup d'épée dans l'eau* (удар шпаги по воде).

Во-первых, восприятие Бородинской битвы как *Русской Победы* (без разделения оной на «нравственную» и «материальную») давно стало частью русской культуры и русской ментальности. Поэтому нападки на историков Л. Г. Бескровного и Н. Ф. Гарнича, отчасти – на П. А. Жилина и др., пытавшихся доказать поворотное значение Бородина для хода всей военной кампании 1812 г. или, по крайней мере, факт военной победы русских при Бородине, не вполне корректны в культурном контексте. Любая великая нация – а русские и французы, несомненно, принадлежат к числу великих наций – создавала (и вправе иметь) свои *исторические предания (легенды, мифы)*, степень достоверности которых не поддается рациональному осмыслению. Так, во Франции на протяжении последних двух столетий сохраняется предание о «непобедимом» Наполеоне, выигравшем все сражения и войны, но погубленном суровой русской зимой, а также коварством бывших союзников и собственного окружения. Колыбелью этого предания стали шедевральные апокрифы обожателей Наполеона – французского графа Э.-О. Лас-Каза,³³ ирландского врача Б. О'Мира³⁴ и мн. др. Русским истори-

³² Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. – С. 178.

³³ См.: Las Cases E. Mémorial de St.-Hélène (любое изд.).

³⁴ См.: О'Мира Б. Голос с острова Святой Елены: Воспоминания. – М., 2004.

ческим преданием, более локальным и скромным по содержанию, и в то же время – более реалистичным, стало Бородино. Оно нашло отражение в русских военных мемуарах, в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино», в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», в трудах ряда отечественных историков. Троицкий мог бы, конечно, выступить в роли ниспровергателя «мифа». Но он сам отказался от такой роли, заявив: «Бородино – национальная гордость России, символ ее непобедимости, один из самых знаменитых и дорогих нам памятников русской воинской славы».³⁵ Уместно ли после слов о «непобедимости» и «воинской славе» России, добытых в Бородинском сражении, обосновывать тезис о военной (тактической и стратегической) победе Наполеона?

«Император Наполеон и его маршалы». Литография

³⁵ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 181.

Во-вторых, в трудах ведущих представителей советской наполеоники – Е. В. Тарле³⁶ и А. З. Манфреда³⁷ мы нигде не встречаем бравурных «ура-патриотических» оценок Бородина. Свой рассказ о Бородинской битве Тарле заканчивает картиной отступления русских войск, безуспешно пытавшихся вернуть захваченные французами позиции и теперь методично расстреливаемых французской артиллерией. Вывод Тарле насчет итогов сражения был очень умеренным и взвешенным. Отметив, что в битве погибла «половина русской армии» и что Кутузов «категорически решил спасти другую половину и отдать Москву без нового боя», академик даже с некоторой долей сатиры писал о русском главнокомандующем: «Это не помешало ему провозгласить, что Бородино было победой, хоть он и был удручен. Победа моральная была бесспорно.

А в свете дальнейших событий можно утверждать, что и в стратегическом отношении Бородино оказалось русской победой все-таки больше, чем французской».³⁸

³⁶ См.: Тарле Е. В. Наполеон. – М., 1991.

³⁷ См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. – 3-е изд. – М., 1980.

³⁸ Тарле Е. В. Указ. соч. – С. 272–273.

«М. И. Кутузов». Литография худ. Д. Адама

Таким образом, Н. А. Троицкий, в принципе, позаимствовал формулу Е. В. Тарле, говорившего о «моральной» победе русских, но указывавшего на их огромные потери и отступление с поля боя. Стратегическую же победу Тарле, как политическую – Троицкий, присваивал русским лишь «в свете дальнейших событий». Наконец, Тарле был готов признать военную победу Наполеона в Бородинском сражении, но соглашался сделать это с одной оговоркой: победа Наполеона не была бесспорной. По словам Тарле, «когда Наполеону в ночь после битвы доложили, что 47 его генералов убиты или тяжело ранены,³⁹ что несколько десятков тысяч солдат его армии лежат мертвые или раненые на поле битвы, когда он лично убедился, что ни одно из данных им больших сражений не может сравниться по ожесточению и кровопролитию с Бородином, то (хотя это тоже не помешало ему провозгласить Бородино своей победой) он, одержавший на своем веку столько настоящих, бесспорных побед,

³⁹ По уточненным данным, используемым современными историками, в Бородинском сражении вышло из строя 50 французских генералов; из них 12 было убито и 38 ранено.

не мог, конечно, не понимать, что (...) для Бородина нужно придумать какое-нибудь иное определение».⁴⁰

Не менее сдержан в оценках Бородина и А. З. Манфред. Он считал необходимым «напомнить для понимания последующего, что это генеральное сражение, к которому так стремился с первого дня войны Наполеон, не дало ожидаемых результатов. Солнце, поднявшееся над Бородинским полем, не стало «солнцем Аустерлица», как приветствовал его Наполеон в ранний утренний час 7 сентября, – оно не принесло ему победы. Заметив, что Бородино (фр. «bataille de Moscova» – «битва под Москвой») оказалось «самой кровопролитной и самой ожесточенной из всех известных до того времени битв», о чем «можно судить не только по огромным потерям с обеих сторон и по отсутствию пленных, но и по числу погибших в сражении генералов», Манфред дал анализ правомерности сравнения Бородинского побоища «с битвой при Прейсиш-Эйлау» (1807). Манфред писал: «Черты внешнего сходства были лишь в том, что, как и при Эйлау, по окончании Бородинского сражения каждая из сторон считала себя победительницей. Но на этом, пожалуй, внешнее сходство между двумя сражениями кончалось. Различие было не только в том, что руководство русской армией на Бородинском поле было в руках крупнейшего после Суворова русского полководца – мудрого и многоопытного М. И. Кутузова, а под Эйлау армией командовал несопоставимый с ним Беннигсен, различие было и не в масштабах битвы и тех последствиях, которые они имели для последующего хода событий. Различие было прежде всего в историческом значении этих сражений.

Эйлау в конечном счете осталось эпизодическим крупным сражением, не давшим Наполеону победы и не изменившим даже хода кампании 1807 года; оно не оказало влияния на последующую судьбу наполеоновской Империи. Бородино было переломным сражением, битвой великого исторического значения. 7 сентября (*н. ст.* – В. В.) на берегах реки Колочи переламывалась судьба Наполеона, судьба его империи, судьба народов Европы».⁴¹

Итак, Манфред отказывает Наполеону в праве считаться победителем в Бородинской битве и дает, в отличие от Троицкого, самую высокую оценку полководческим способностям Кутузова. Далее он цитирует знаменитый отрывок из романа Л. Н. Толстого «Война и мир» о «победе нравственной», одержанной «русскими под Бородиным».⁴² Но последнее утверждение было конкретизировано Манфредом в духе, полностью исключавшем произвольное толкование «победы нравственной» как решающей военной победы над Наполеоном, после которой Москва была сдана побежденным французам из чисто тактических соображений и только во имя грядущей окончательной победы над уже разгромленными захватчиками. «То была победа нравственная, – пояснял Манфред, – но еще оставалась нерешенной задача достижения материальной победы над вторгнувшейся в Россию армией. Бородино не дало решающего перевеса ни одной из сторон и потому в сложившейся обстановке не могло предотвратить оставление Москвы русской армией».⁴³

Вышесказанное дает основания утверждать, что «новое слово» об итогах Бородинского сражения, сказанное Н. А. Троицким в условиях «перестройки», на деле больше походило на «хорошо забытое старое». О «победе моральной», «победе нравственной» русских при Бородине говорили Л. Н. Толстой, Е. В. Тарле, А. З. Манфред. При этом Тарле и Манфред были очень далеки от того, чтобы объявлять Бородинскую битву решающей военной победой русских войск в Отечественной войне 1812 г. Да и советский генерал-лейтенант П. А. Жилин – тот самый, который осуждал «буржуазную историографию» за «грубую фальсифи-

⁴⁰ Тарле Е. В. Указ. соч. – С. 273.

⁴¹ Манфред А. З. Указ. соч. – С. 675–676.

⁴² Там же. – С. 676.

⁴³ Там же. – С. 677.

кацию – стремление представить Бородино как победу Наполеона», также подчеркивал, что перелом в войне 1812 г. мог наступить лишь в результате «качественного изменения самого характера боевых действий», «перехода армии от обороны к наступлению».⁴⁴ Троицкий даже похвалил Жилина за то, что он «давно и доказательно опроверг» мнение о Бородине как о «переломе в ходе всей войны».⁴⁵ Остается только недоумевать, неужели новаторский пафос Н. А. Троицкого был растрочен на опровержение двух старых работ Н. Ф. Гарнича и Л. Г. Бескровного – 1956 и 1962 гг. выпуска?⁴⁶

«Русские ополченцы 1812 г.» Акварель неизв. худ.

⁴⁴ Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. – 2-е изд. – М., 1974. – С. 142.

⁴⁵ Троицкий Н. А. Указ. соч. – С. 181.

⁴⁶ См.: Гарнич Н. Ф. 1812 год. – 2-е изд. – М., 1956; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. – М., 1962.

«Забил заряд я в пушку туго...»

Худ. В. Г. Шевченко, 1970-е гг

Правда, Н. А. Троицкий обогатил отечественную историографию Бородинского сражения рассуждениями об ошибках, допущенных Кутузовым и Наполеоном в ходе баталии. Но трудно представить себе военачальника, который не допустил бы ни единого просчета в такой грандиозной битве. Главнокомандующий Кутузов и император Наполеон, наверное, не были исключениями. Кроме того, действия каждой из сторон в условиях боя всегда направлены на то, чтобы вынудить неприятеля совершить некоторые ошибки, ведущие его к конечному поражению. Поэтому можно предположить, что недостаточная инициативность Кутузова при Бородине была вызвана как широкомасштабным и решительным наступлением французов на русские позиции, так и опасениями русского главнокомандующего, что непродуманное и поспешное контрнаступление, на пути которого были способны встать гвардия Наполеона и другие свежие силы, приведет к полному разгрому русских войск и поражению в войне. Артиллерию же Кутузов берег на случай прорыва неприятеля в русский тыл и иных катастрофических последствий французских атак. В свою очередь, перечисленные истори-

ком «просчеты» Наполеона могли быть порождены: во-первых, невозможностью сокрушить правый фланг русских войск – армию М. Б. Баркляя де Толли, которая занимала выгодную и хорошо укрепленную позицию на берегу р. Колочи; во-вторых, измотанностью французских войск после захвата «флешей» и Курганной батареи и, в-третьих, опасениями Наполеона, что, двинув в бой гвардию, он рискует, в случае ее неудачной атаки,⁴⁷ лишиться своего главного резерва. Наконец, читая мудрые мысли историка об ошибках двух незаурядных полководцев в генеральном сражении, нельзя не вспомнить бессмертный афоризм из великой поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».⁴⁸

Тем не менее, заслуги Н. А. Троицкого в изучении проблем Отечественной войны 1812 г. являются весьма значительными. Труды ученого сумели вновь пробудить огромный научный и общественный интерес к событиям, оценки которых в отечественной исторической литературе длительного предшествующего периода обрели, казалось, свою твердокаменную незыблемость. Результатом стал выход десятков новых работ российских историков, в которых по-новому осмысливаются ход Отечественной войны и значение Бородинского сражения. Кроме того, многие положения, выдвинутые Троицким, прочно закрепились в современной историографии данной проблематики.⁴⁹

Так, В. М. Безотосный приводит во многом сходное описание хода и итогов Бородинской битвы, соотношения сил сторон и понесенных ими потерь. По версии Безотосного, численность русских войск составляла около 150 тыс. чел. (в т. ч. 9,5 тыс. казаков и 28 тыс. ополченцев) и 624 орудия, численность армии Наполеона – 135 тыс. чел. и 587 орудий. Сражение окончилось тем, что «вечером французские части были отведены на исходные рубежи. Русских победить не удалось». Русские войска потеряли убитыми и ранеными 40–50 тыс. чел. (прекратила существование 2-я Западная армия, которой командовал смертельно раненый при Бородине князь П. И. Багратион), французы – примерно 35 тыс. чел. Обе стороны захватили в плен примерно по 1 тыс. чел. Среди русских генералов было убито и смертельно ранено 4, ранено – 23; французы потеряли 12 генералов убитыми и 38 – ранеными. Вопрос о победителе в Бородинском сражении Безотосный считает «в целом спорным», так как, во-первых, «иностранные авторы, как правило, отдают предпочтение Наполеону, большинство же отечественных историков – Кутузову, лишь немногие считают итог ничейным»; а во-вторых, «ни один из противников не решил поставленных задач и не добился существенных результатов. Наполеон не разгромил русскую армию, Кутузов не защитил Москву». Историк также саркастически отозвался о Кутузове, который своими, «виртуозно» написанными «по горячим следам», донесениями императору Александру I (от 27 и 29 августа 1812 г.) представил исход Бородинского сражения в выгодном для себя свете, но при этом, по мнению Безотосного, грубо исказил реальность. «Даже не знаешь, как односложно оценить бородинскую реляцию Кутузова, назвать ли ее прямым обманом императора, умело составленной дезинформацией, хорошо рассчитанной придворной комбинацией или пиар-

⁴⁷ Гвардия Наполеона могла попасть под удар русской артиллерии, превосходившей, по мнению того же Н. А. Троицкого, артиллерию французскую.

⁴⁸ В своей рецензии на 2-е изд. книги Н. А. Троицкого «1812. Великий год России» (М., 2007) А. И. Попов, в частности, упрекнул автора в том, что он «не учел десятки статей и книг, вышедшие за последние 20 лет» по тематике Бородинского сражения, а также выделил несколько фактических ошибок и неточностей, допущенных Троицким при описании хода сражения (Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 4. – Т. 10. – С. 1302). Если принять во внимание, что уточнение множества подробностей Бородинской битвы продолжается и 200 лет спустя, то едва ли следует удивляться, что в самый день побоища оба полководца располагали, мягко говоря, не самыми выверенными сведениями. Это имело следствием принятие решений, не всегда адекватных остроте быстро менявшейся ситуации.

⁴⁹ См.: Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. В 3 т. / Отв. ред. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. – М., 2012; Безотосный В. М. Все сражения русской армии 1804–1814 гг. Россия против Наполеона. – М., 2012; и др.

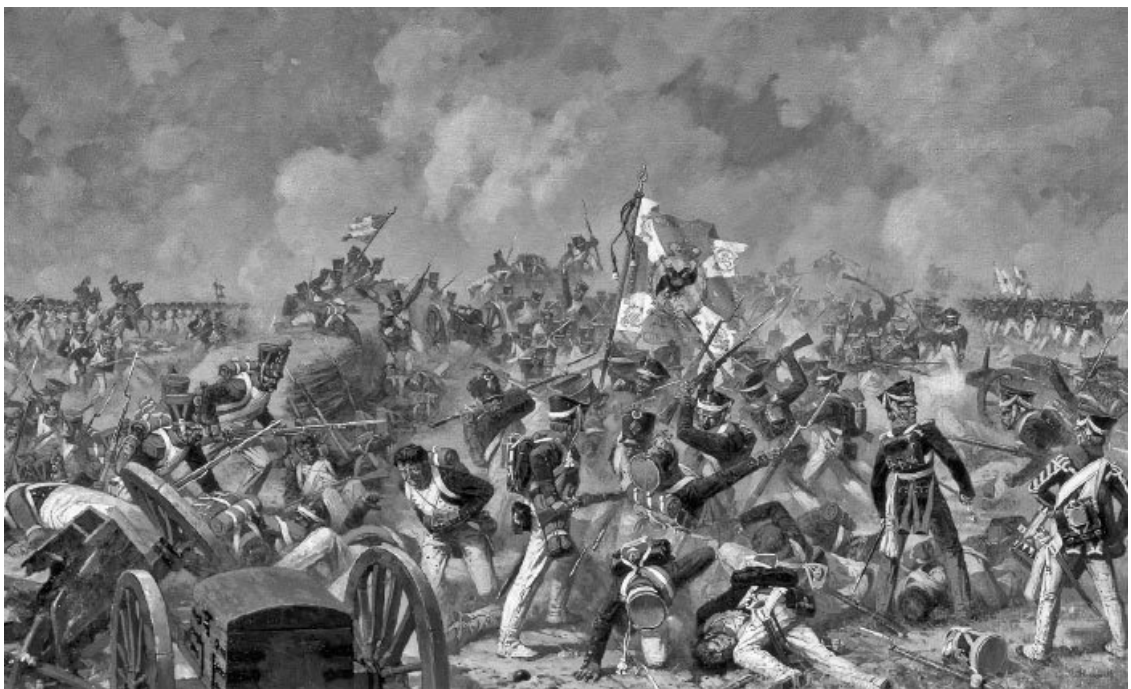
кампанией? – пишет Безотосный. – Написана она была мастерски, вполне в духе XVIII столетия, даже была сказана почти правда, но далеко не вся».⁵⁰ Действительно, через 5 дней после сражения – 31 августа царь произвел Кутузова в генерал-фельдмаршалы с пожалованием 100 тыс. руб.; жена главнокомандующего – Екатерина Ильинична (урожденная Бибикова) стала статс-дамой императорского двора. Но после того, как 2 сентября 1812 г. Наполеон занял Москву, Кутузов, разумеется, оказался в «незавидном» положении. Известно, что Александр I нередко смещал своих военачальников за проступки гораздо меньшие, чем сдача «первопрестольной» неприятелю. Однако на этот раз государь оказался бессилён наказать проштрафившегося главнокомандующего, ибо совсем недавно сам «известил всю Россию» о его «победе». Ловкий маневр Кутузова, в самых изысканных выражениях доложившего царю об успешном генеральном сражении (хотя в его реляциях предусмотрительно было опущено слово «победа»), немедленно вызвал ответную монаршую милость, и дезавуировать ее, по мнению автора, было уже невозможно. «Как-то было не с руки отменять «победу», – поясняет Безотосный, – да и как уволить признанного «победителя», к тому же еще только что произведенного в генерал-фельдмаршалы. Нужно было сохранять правительственную версию, подождать, пока не прояснится и не изменится ситуация дальше. Главное – существовала армия, значит, не все еще было потеряно». По словам Безотосного, Бородинское сражение имело «промежуточное значение», оценивать эту битву следует применительно к «судьбам каждой армии». В этом отношении Бородино, несмотря на все оговорки, видимо, все-таки признается шагом на пути к полному поражению Наполеона в войне 1812 г. Свои рассуждения Безотосный подытожил следующим образом: «Русские войска, находясь на своей территории, за короткий срок все же имели шанс восстановить численность своих рядов (даже несмотря на то, что оставили на поле сражения более 10 тыс. раненых). Для Наполеона самым ощутимым оказалась большая убыль конного состава. Бородино стало кладбищем французской конницы, что пагубно сказалось во время второго этапа войны. Недостаток кавалерии и потеря, вследствие этого, маневренности в военном отношении стали одними из основных причин катастрофической гибели наполеоновской армии в России».⁵¹

⁵⁰ Безотосный В. М. Указ. соч. – С. 323–328.

⁵¹ Там же. – С. 328–329.

«Смертельное ранение генерала Баграциона на Бородинском поле». Худ. А. Велхадзе, 1948 г.

«Бородино. Бой за Баградионови флешы». Худ. А. Ю. Аверьянов

Основной смысл рассуждений и выводов В. М. Безотосного о Бородинской битве продублирован в большой энциклопедической статье А. А. Васильева, Л. Л. Ивченко, А. И. Попова и В. Н. Земцова «Бородинское сражение».⁵² Правда, здесь авторами внесены неко-

⁵² Васильев А. А., Ивченко Л. Л., Попов А. И., Земцов В. Н. Бородинское сражение // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов. Энциклопедия. – Т. 1. – М., 2012. – С. 211–224.

торые коррективы в характеристику личного состава русских войск перед генеральным сражением. Русские войска, предназначавшиеся для участия в Бородинском сражении, насчитывали около 150 тыс. чел.; из них лишь 113–114 тыс. составляли регулярные войска, около 8 тыс. – казаки и 28 тыс. – ополченцы. Эти данные сопровождаемы важными уточнениями. Во-первых, в состав регулярных войск входило 14,6 тыс. новобранцев, приведенных генералом М. А. Милорадовичем. Во-вторых, численность русских и наполеоновских войск перед сражением «поныне» остается дискуссионной. В-третьих, «Кутузов исходя из данных разведки оценивал силы противника в 165–195 тыс. чел.», что приводило его к осознанию весьма вероятного отступления «с поля боя» в случае, если русские войска не будут подкреплены дополнительными резервами. Используемые В. М. Безотосным данные о потерях сторон, как и об их первоначальной численности, снабжены оговоркой: «Вопрос о потерях сторон остается дискуссионным». Анализ «просчетов» Кутузова и Наполеона, инициированный в современной отечественной историографии Н. А. Троицким и отчасти продолженный В. М. Безотосным, имеет место и в этой статье. Кутузову вновь приписываются «первоначальные просчеты», связанные с отсутствием должной инициативы и неудачной, по мнению авторов, диспозицией его военных сил в начале сражения. Кутузов исправлял эту «ошибку» ценой «крупных потерь», постоянно «латая дыры» в обороне. «Просчетами» французской стороны были названы «отказ Наполеона от глубокого обхода через Утицкий лес» (т. е. от удара в тыл русских войск посредством обхода их крайнего левого фланга), и «его решение не рисковать последним резервом – Императорской гвардией», продиктованное пребыванием императора Франции «на удалении 800 лье от Парижа». Авторы убеждены, что «этот шаг лишал его единственного шанса одержать решающую победу и заключить мир». Ссылаясь также на мнение ряда историков, что Наполеон, из-за «физического недомогания», проявил «недостаточную личную активность»,⁵³ приведшую к неполной скоординированности «французских атак» и действий «всех четырех группировок Великой армии», авторы указали на главный, по их словам, парадокс Бородинского сражения: «обе армии проявили высочайший героизм, а оба полководца оказались не на высоте».

⁵³ По поводу разглагольствований некоторых историков о насморке и «лихорадочной мигрени», из-за которых Наполеон во время Бородинского сражения «с трудом садился на лошадь» и которые помешали ему «разгромить русских», В. М. Безотосный резонно заметил: «В то же время почему-то не упоминают о старческих недомоганиях тучного Кутузова, уж он-то точно, в силу своей немощи, редко взбирался на лошадь. Может быть, он из-за своей старческой болезненности не разгромил Наполеона? Вопрос почему-то так не ставится» (Безотосный В. М., Указ. соч. – С. 327).

Михаил Т. Кутузов.

«М. И. Кутузов у портрета Суворова». Литография

Памятник М. И. Кутузову у Казанского собора, г. Санкт-Петербург. Скульптор Б. И. Смирнов. 1837 г.

Памятник М. Б. Барклаю де Толли у Казанского собора, г. Санкт-Петербург. Скульптор Б. И. Смирнов. 1837 г.

«Портрет генерал-фельдмаршала князя М. Б. Барклая де Толли». Литография

Концепция Н. А. Троцкого, с различными ее модификациями, приобрела к настоящему времени во многом доминирующее значение для современной отечественной историографии Бородинского сражения. Между тем, сформировавшись как инструмент разрушения старых неповоротливых догматов, эта концепция со временем сама отчасти превратилась в некое подобие догмы. Первоначально выстраиваясь на «марксистско-ленинских» началах в их «перестроечном» варианте, она провозглашала творцом истории народ, а творцом победы в Отечественной войне 1812 г. – русского солдата. Но, при всей аксиоматичности и бесспорности своих формальных положений, она была нацелена на развенчание «чуждого марксизму-ленинизму» образа великого полководца. Если похвала или критика в адрес М. И. Кутузова в дореволюционный период основывалась, главным образом, на личной мотивации, связанной с отношениями между Кутузовым и другими военачальниками (прежде

всего, М. Б. Барклаем де Толли, Л. Л. Беннигсеном), то в советский период в дело вмешались политико-идеологические соображения. В своем ответе на письмо военного историка профессора Е. А. Разина, опубликованном в журнале «Большевик» (1947, № 2), И. В. Сталин заявил, что Кутузов «был бесспорно двумя головами выше Барклая де Толли». К сожалению, личному мнению вождя вскоре был придан директивный характер. Русский полководец, «мужественный образ» которого, в числе «наших великих предков», прославлялся в знаменитой речи Сталина на параде 7 ноября 1941 г.⁵⁴ и стал затем одним из символов советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны, стараниями некоторых ретивых авторов, желавших угодить «сталинскому» вкусу, был провозглашен «надклассовым феноменом», отражающим «настроения и интересы русского крестьянства». Но после смерти Сталина и состоявшегося затем разгрома его «культа» образ Кутузова часто приносили в жертву процессу очищения «марксизма-ленинизма» от примесей «сталинизма». Выразителем же чаяний прозападных – «либеральных и демократических кругов» неожиданно (в т. ч., вероятно, для самого себя) предстал «репрессированный» в период «культа личности», но затем «реабилитированный» М. Б. Барклай де Толли, «культ» которого был противопоставлен «националисту» М. И. Кутузову – представителю «воинствующего самодержавно-крестьянского патриотизма», яркому воплощению «сталинизма».⁵⁵ Однако препятствием на пути к полному развенчанию «культа Кутузова» остается победа в войне 1812 г., а также *русское Бородино*, открывшее путь к этой победе. Поэтому тезисы наподобие того, что в Бородинском сражении русские войска, руководимые «бездарным генералом» Кутузовым, были спасены от полного разгрома лишь «просчетами» Наполеона, как нельзя лучше способствуют диффамации образа Главнокомандующего всеми русскими армиями и ополчениями в той войне.

Впрочем, может быть, и в самом деле пора перестать «цепляться» за «отжившие мифы» о «великом полководце» Кутузове, о «русской победе» при Бородине? Ведь и без них конечная победа России над Наполеоном в 1812 г. выглядит не менее впечатляющей. С. А. Экштут в своей статье о наградах, пожалованных Александром I за Бородинскую битву,⁵⁶ с искрометной иронией цитирует донесения Кутузова Александру I от 27 и 29 августа 1812 г. об успешном отражении неприятельских «атак» во время «кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения». Автор наглядно показывает, что за торжественными реляциями русского главнокомандующего стояла самая неприглядная действительность. 3 сентября 1812 г., когда донесение Кутузова от 27 августа было, с купюрами и внесенными рукой царя исправлениями, помещено в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 72), «Великая армия» уже находилась в Москве. Главная квартира Наполеона разместилась в Кремле, а в руки французов, занявших Москву, попали «богатые военные трофеи: 156 орудий, 75 тыс. ружей, 40 тыс. сабель и множество другого оружия». Правда, «ни Александр I, ни жители Петербурга еще не знали об этом».⁵⁷ Комментируя представления Кутузова государю о наградах за Бородино, Экштут обращает внимание на то, что старый фельдмаршал заботился об особых поощрениях генералов, которые были «лично» известны монарху. Со ссылкой на Н. А. Троицкого⁵⁸ автор подчеркнул: «Угодливость фельдмаршала перед сильными мира сего не имела предела и часто перерастала в раболепие». В статье особо отмечен цинизм Кутузова – «опытного царедворца», посмевшего просить у царя «очень высо-

⁵⁴ Правда. – 1941. – 8 ноября.

⁵⁵ Подробнее см.: *Ивченко Л. Л.* Историография Отечественной войны 1812 г. (200-летний юбилей события) // *Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года* / Сост. Е. Н. Рудая. – М., 2012. – С. 201–206.

⁵⁶ *Экштут С.* Служил примером отличной храбрости. Генеральские награды за Бородино // *Родина*. – 2012. – № 6. – С. 43–50.

⁵⁷ Там же. – С. 43–44.

⁵⁸ См.: *Троицкий Н. А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. – М., 2002. – С. 73, 79–80.

кие награды за Бородинское сражение во исполнение повеления Александра I, данного им «еще *до того*, как он узнал о сдаче Москвы». Кутузов поступил, по словам Экштута, «так, словно после кровопролитного сражения не было ни сдачи Москвы, ни потери в Москве громадного количества различного оружия, которым можно было вооружить целую армию. Однако, несмотря на все это, Кутузов не стал проявлять скромность...». В статье приводятся высказывания героя Бородинского сражения генерала Н. Н. Раевского о том, что представляла собой «главная квартира» Кутузова после оставления Москвы. Раевский рассказывал, что «она всегда отдалена», «там интриги партий, зависть, злоба, а еще более во всей армии егоизм», и что о судьбе России «никто не заботится». Автор признает, что в Бородинской битве «русская армия проявила массовый героизм». Дав анализ рапорта Кутузова Александру I от 29 сентября 1812 г. о наградах генералам за Бородино, Экштут делает «вывод, что спустя месяц после Бородинской битвы фельдмаршал расценивал это кровопролитное сражение как несомненную победу русской армии». Однако царь не согласился с Кутузовым; пожалованные монархом награды, вопреки традиции, оказались намного скромнее тех, которые запрашивал главнокомандующий. Александр I не пошел на поводу у «искусственного в придворных интригах фельдмаршала», желавшего лично угодить монарху и другим членам августейшего семейства. Он избрал для представленных к наградам более справедливые поощрения, которые гораздо более соответствовали истинным заслугам этих лиц, нежели те, что предлагались Кутузовым. Царь также отклонил представления о награждении генералов Д. С. Дохтурова, П. П. Коновницына и М. А. Милорадовича орденом Св. Георгия 2-й степени, получение которого предполагало «наличие полководческих доблестей. Но именно этих доблестей ни один из них, по мнению царя, не проявил во время продолжительного и кровопролитного Бородинского сражения». Единственным военачальником, получившим за Бородинскую битву Георгиевскую звезду, стал М. Б. Барклай де Толли. Экштут так поясняет это решение Александра I: «Император оценил не только его личную храбрость в Бородинском сражении, во время которого под Барклаем было убито пять лошадей, но и проявленное военным министром в начальный период войны полководческое искусство. Именно глубоко обдуманый замысел Барклая, его «скифский» план, помог русской армии избежать преждевременного генерального сражения и неминуемого разгрома в битве с превосходящими силами противника».⁵⁹ Итак, в противовес «царедворцу» М. И. Кутузову, «искусственному в придворных интригах», М. Б. Барклай де Толли предстает подлинным героем войны 1812 г., открывшим русским войскам путь к будущей победе. Барклай заранее разработал «скифский» план отступления русских армий вглубь России, навязав Наполеону самые невыгодные условия дальнейшей войны, а затем отважно сражался при Бородине – в отличие от лукавого, но безынициативного и немогущего интригана-главнокомандующего. Такова логика сего повествования.

⁵⁹ Экштут С. Указ. соч. // Родина. – 2012. – № 6. – С. 44–48.

М. И. Кутузов

П. И. Багратион

Н. Н. Раевский

М. И. Платов

П. Г. Лихачев

Ф. П. Уваров

А. И. Остерман-Толстой

Д. С. Дохтуров

К. Ф. Багговут

М. Б. Барклай де Толли

К. Ф. Толь

А. И. Кутайсов

П. Л. Беннингсен

М. А. Милорадович

М. С. Воронцов

Н. А. Тучков

Э. Ф. Сен-При

А. В. Воейков

Заключительные выводы С. А. Экштута оставляют итоги и историческое значение Бородинского сражения под жирным вопросительным знаком, так как даже взгляды двух тогдашних высших лиц Империи – Александра I и М. И. Кутузова на это событие, по мнению автора, кардинально расходились. При этом Экштут фактически солидарен с царским мнением, реконструкцию которого сам же и осуществил. «Александр I, – пишет он, – не посчитал Бородинскую битву тем сражением, которому суждено навсегда остаться в военной летописи государства Российского, и не пожелал увековечить память о нем золотым крестом для офицеров или серебряной медалью для нижних чинов (...) Александр I хотел, чтобы гению Наполеона было противопоставлено полководческое искусство (...) Пройдут годы, Бородино станет судьбоносной вехой в истории страны и национальным мифом. Западные историки считают Бородинскую битву победой Наполеона: русская армия покинула поле сражения и не отстояла Москву. Отечественные историки им возражают: да, Наполеон наступал, умело создавая численное превосходство во всех видах оружия на направлении главного удара, но русская армия выстояла и сохранила свою боеспособность. Пожертвовав Первопрестольной, Кутузов выиграл драгоценное время, накопил резервы и в конечном счете выиграл кампанию. Однако есть разница между отечественной войной и игрой в шахматы. Если в начале шахматной игры можно пожертвовать пешку или фигуру, чтобы выиграть позицию, то в истории всякая жертва вызывает неоднозначные оценки современников и потомков. Оценка любого исторического события заключается в том, что приходится учитывать несколько переменных: результат, издержки, отдаленные последствия, восприятие события современниками и потомками. И это уравнение со многими неизвестными никогда не имеет одного-единственного верного решения. В этом суть».⁶⁰ Итак, Бородино вновь объявлено «национальным мифом». О том, чем является эта характеристика в большей степени – комплиментом или поводом для полемики – пусть судит читатель! Очень хотелось бы также своими глазами увидеть главнокомандующего армиями державы с абсолютистской (самодержавной) формой правления, который не являлся бы «опытным царедворцем». Разве Барклай, военный министр царя Александра, таковым не был (хотя бы по своему статусу)?!

Истоки критики полководческих способностей М. И. Кутузова и признания победы французов в Бородинском сражении обнаруживаются в сочинении видного прусского военного писателя и теоретика К. Клаузевица, являвшегося в 1812 г. офицером русской армии (впоследствии – прусского генерал-майора). В книге о войне 1812 г.⁶¹ Клаузевиц не скрывал своего скепсиса в отношении Кутузова. Но Барклай де Толли, на фоне Кутузова, в рассуждениях прусского мемуариста выглядел еще менее выигрышно. Отметив 15-летнюю разницу в возрасте между двумя русскими военачальниками, Клаузевиц полагал, что «физической и духовной дееспособностью» пожилой и немощный Кутузов «уступал Барклаю, но по природным дарованиям, безусловно, его превосходил». По версии Клаузевица, в Бородинском сражении 120 тыс. русских, из которых 30 тыс. составляли казаки и ополченцы, противостояли 130 тыс. французов. Автор считал, что в «роли» полководца, противостоящего Наполеону в Бородинском сражении, Кутузов выглядел «далеко не блестяще и даже значительно ниже того уровня, какого можно было от него ожидать». Правда, Клаузевиц не до конца уверен в правоте этого своего мнения, так как во время сражения мог видеть Кутузова «всего одно мгновение» и в основе своего взгляда имел «мнение, которое непосредственно после сражения сложилось в армии». Нетрудно догадаться, что мнение о Кутузове в войсках, оставивших Москву после тяжелейшего побоища на Бородинском поле, было не самым восторженным. Тем не менее, Клаузевиц дополнил свой комментарий утвержде-

⁶⁰ Там же. – С. 48–50.

⁶¹ См.: Клаузевиц К. 1812 г. – М., 1937 (переизд. – 2004).

нием о полной несостоятельности Кутузова как главнокомандующего во время генерального сражения: «Роль Кутузова в отдельных моментах этого великого сражения равняется почти нулю. Казалось, что он лишен внутреннего оживления, ясного взгляда на обстановку, способности энергично вмешаться в дело и оказывать самостоятельное воздействие. Он представлял полную свободу частным начальникам и отдельным боевым действиям. Кутузов, по-видимому, представлял лишь абстрактный авторитет». Но даже после такого отзыва автор снабдил военные таланты русского главнокомандующего более лестной характеристикой, нежели дарования Барклая. «Таким образом, – писал Клаузевиц, – если говорить о непосредственно персональной деятельности, Кутузов представлял меньшую величину, чем Барклай, что главным образом приходится приписать преклонному возрасту. И все же в целом Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в глубокой старости; и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал как ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором».

Критики М. И. Кутузова и ниспровергатели «национального мифа» о победе русских при Бородине, охотно пользуясь резко негативными оценками Кутузова Клаузевицем, избегают следующее его рассуждение, согласно которому Кутузов, в отличие от Барклая, изначально предвидел неминуемый крах армии Наполеона и нисколько не сомневался в данной перспективе, стремясь лишь избежать заведомо напрасных военных потерь. Итак, читаем Клаузевица: «Благоприятный исход кампании в начале ее мог быть предугадан лишь при наличии широких взглядов, ясности разума и глубокого знания дела. Тогда это могло быть доступно лишь человеку с редким величием духа, но сейчас (*т. е. при Бородине. – В. В.*) конечный успех уже настолько приблизился к умственному взору, что хитрый разум (*Кутузова. – В. В.*) мог легко его уловить. Наполеон попал в скверную историю, и обстановка начала сама собою складываться в пользу русских; счастливый исход должен был получиться сам собою без больших усилий. *Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили его к тому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как на неизбежное зло (курсив мой. – В. В.).* Он знал русских и умел с ними обращаться. *С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя (курсив мой. – В. В.),* возвещал повсюду близкую гибель неприятельской армии, до самого конца делал вид, что собирается для защиты Москвы дать второе сражение и изливался в безмерной похвальбе; этим он льстил тщеславию войска и народа; при помощи прокламаций и возбуждения религиозного чувства он старался воздействовать на сознание народа. Таким путем создалось доверие нового рода, правда, искусственно внушенное, но все же имевшее в своей основе истину, а именно плохое положение французской армии. Таким образом, *это легкомыслие и базарные выкрики хитрого старика были полезнее для дела, чем честность Барклая (курсив мой. – В. В.).* Последний совершенно отчаялся бы в счастливом исходе войны; он еще в октябре отчаивался в нем, когда у большинства снова возродилась надежда; сам он не сумел бы найти никаких средств улучшить положение дел, а его мнительность помешала бы использовать даже те средства, которые могли ему предложить другие; так, например, он высказался против перехода на Калужскую дорогу; в печальных, всегда озабоченных чертах его лица каждый солдат мог прочесть мысль об отчаянном положении армии и государства, и не исключено, что настроение этого полководца передалось бы армии, двору, всему народу; словом, *простой, честный и дельный сам по себе, но ограниченный Барклай, неспособный проникнуть в самую глубь обстановки столь гигантского масштаба, был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противопоставил им дерзкое чело и целый поток хвастливых речей. Он сумел счастливо использовать*

тот огромный прорыв, который уже обнаружился во французской армии (курсив мой. – В. В.)».

«Атака 1-го резервного корпуса Ф. П. Уварова при Бородино». Худ. А. Дезарно

«Подвиг генерала Костенецкого в Бородинском бою». Худ. А. Ю. Аверьянов

По-военному четкие и кое-где грубоватые высказывания Клаузевица о Кутузове и Барклае де Толли позволяют лучше понять искомую **суть того времени**. Сознвая обре-

ченность наполеоновской авантюры, Кутузов считал своей главной задачей не формальный успех в генеральном сражении, который вполне мог оказаться «Пирровой победой», а сохранение русской армии и обеспечение ее высокого боевого духа. Ради решения этой задачи он выплеснул на верховную власть, общество, армию и народ «целый поток хвастливых речей», соперничать с которыми оказалось не под силу никаким «моральным возможностям французской победы». Кутузовская «пиар-кампания» стала прологом к изгнанию захватчиков из России.

Говоря о Бородинском сражении как о чем-то заранее predetermined, Клаузевиц объясняет тактический успех Наполеона перевесом его сил и «весьма посредственной позицией» (по мнению мемуариста, «Россия чрезвычайно бедна позициями»), занимаемой русскими: «Чего же другого можно было ожидать? При равной храбрости войск обеих сторон, в бою на очень узком пространстве следовало ожидать только того, что произошло в действительности, а именно медленного опускания чаши весов к невыгоде русских». Он даже с некоторым раздражением выражает недовольство досужими расспросами обывателей на данную тему: «Мы никогда не могли понять, почему люди так жадно добивались какого-либо объяснения Бородинского сражения. Одни недоумевали, почему Кутузов отошел, раз он был победителем, другие – почему Наполеон не разгромил полностью русских».

Продолжительность Бородинского сражения К. Клаузевиц, сам участвовавший в нем как офицер кавалерийского корпуса генерала Ф. П. Уварова, определил в 10 часов – с 6 часов утра до 4 часов пополудни. По словам Клаузевица, за время сражения «русские на левом крыле, где они уступили больше всего пространства, потеряли всего лишь от 1.500 до 2.000 шагов. Лишь корпус Тучкова, вступивший в бой отдельно от других, должен был отступить на большее расстояние». Кроме того, в ходе битвы «массы русского войска не утратили порядка» вследствие своего «густого построения, так как только при наличии известного простора кавалерия может быстро использовать и расширить до крупных размеров успехи, достигнутые пехотой и артиллерией». Наиболее правдоподобной цифрой потерь русской армии Клаузевиц считал 30 тыс. чел., которые составляли «четвертую часть всей армии». Итогом сражения, в описании Клаузевица, стало закономерное отступление русских войск, сумевших, однако, избежать разгрома и сохранить боеспособность: «Превосходство французов как в численности, так и в тактике сказалось в том, что за эти десять часов русским пришлось постепенно уступить некоторое пространство, оставить укрепления и занять новое расположение, причем их боевой порядок еще более уплотнился, а левый фланг откинулся еще дальше назад, так что теперь он тянулся параллельно пути отступления и не дальше 200 шагов от него; старая же Московская дорога находилась почти целиком в руках французов».

В армии все еще полагали, что результат сражения является сомнительным. Шел разговор о том, что следует удержать за собой поле сражения, которое собственно еще не было утрачено, и этим упорством добиться победы, так как французы также обнаруживают признаки большого истощения. Но по существу вопрос был уже окончательно решен, и хитрый Кутузов не сомневался больше в том, как ему надлежит поступить. Превосходство сил французов, заметное и до сражения, еще возросло в результате сражения, так как потери русских были, безусловно, больше потерь французов; за время десятичасового боя чаши весов далеко не оставались в состоянии полного равновесия, а заметно склонились в ущерб русским; нельзя было ожидать лучшего результата при возобновлении боя; позиция русских совершенно сдвинулась и ставила под угрозу путь отступления. Следующим этапом неуспеха явилось бы полное поражение. Сейчас армия еще находилась в порядке и могла, не расстраиваясь, отойти. Кутузов решил отступить ночью, что, бесспорно, явилось единственным разумным выходом».

Наконец, Клаузевиц пытался оценить шансы Наполеона на «полный разгром» русских войск в случае участия в битве «значительной массы совершенно свежих войск», находившихся в его распоряжении. По мнению автора, такая возможность была, но степень возникшего в связи с этим риска оказалась неприемлемой для французского императора, и он решил довольствоваться занятием Москвы. По словам Клаузевица, «если стать полностью на ту точку зрения, которую в этот момент должен был занимать Наполеон, а именно вспомнить, как огромно было его предприятие в целом, какие громадные силы он собрал для него и как эти силы против всякого ожидания быстро таяли, вызывая опасение, что их может оказаться недостаточно, то станет понятным, что с этого момента важнейшей задачей для него могло представляться сохранение своей армии до того времени, когда зайдет речь о мире. Победа была в его руках, Москву он мог рассчитывать и так занять; выдвигать более крупную цель, поставив на карту последние силы, казалось ему, не вызывалось требованиями ни необходимости, ни разума (...) Если бы Наполеон имел твердую уверенность, что ему удастся окончательно разгромить русскую армию, он, конечно, затратил бы на это еще часть своих сил; но русские очень храбры, они еще сохраняли полный порядок...». Исходя из вышесказанного, Клаузевиц отметил, что «итог Бородинского сражения» является «вполне соответствующим естественному ходу событий» и что у Кутузова с самого начала не было «никакого разумного основания рассчитывать на победу». Иными словами, сражение имело самый предсказуемый финал; как тактические успехи французов, так и неудачи русских ни в чем не превосходили ожидания. Правда, Клаузевиц все-таки упрекнул Кутузова в том, что русские войска при Бородине не располагали «средствами перехода в энергичное наступление». Но свои более детальные суждения на этот счет он прервал самокритичной репликой: «Впрочем, довольно об этом!».

Итак, формальную «победу» в Бородинском сражении, которое М. И. Кутузов, в принципе, с самого начала считал ненужным, К. Клаузевиц приписал Наполеону. Понеся более крупные потери, чем французы, и без того обладавшие численным превосходством, русские отступили. Но «поражение» русских войск, сохранивших «полный порядок», не стало, с точки зрения Клаузевица, «полным». Чтобы нивелировать последствия своего отступления и оставления Москвы, «хитрый Кутузов» провозгласил себя победителем в сражении, и тем самым заручился безграничным доверием армии и общества. Наполеон не сумел деморализовать русских фактом занятия Москвы и, лишившись надежд на выгодный, да и вообще всякий, мир с Россией, был обречен на неминуемое военно-политическое поражение. Другой крупный военный теоретик XIX в. – бывший наполеоновский генерал А. Жomini, перешедший на русскую службу в 1813 г., еще более решительно, чем Клаузевиц, опровергал утопическую доктрину Наполеона Бонапарта, согласно которой решающее значение в войне имел исход генерального сражения. Мнение своего бывшего государя Жomini опроверг, указав на то, что «армии уничтожаются стратегическими операциями без заранее подготовленных на определенном участке сражений, чередой, казалось бы, незначительных предприятий».⁶² С последним утверждением трудно не согласиться, особенно, если учесть то обстоятельство, что огромные потери русских войск в генеральном сражении при Бородине и сдача Москвы Наполеону отнюдь не помешали России уже через три месяца покончить с нашествием «Великой армии», а через 1,5 года – с наполеоновской Империей.

Локальный, с «материальной» точки зрения, характер проблемы «победы и поражения» в Бородинской битве также едва ли подлежит сомнению. Ведь если признать победителем сторону, выигравшую войну 1812 г., то все равно конечный успех русских в той войне стал возможен не непосредственно в силу их «победы» на Бородинском поле, а после оставления Москвы и последовавших за ним, на первый взгляд, «незначительных предпри-

⁶² Жomini А. Стратегия и тактика в военном искусстве. – М., 2009. – С. 185.

ятий» (сражений при Тарутине, Малоярославце и Красном, на Березине и мн. др.). Признание же победителями французов лишь «позолотит пиллюлю» тем, кто не извлек из «блестяще выигранной» битвы никакой конечной пользы. Наконец, согласие на «ничью» станет не более, чем вежливым комплиментом в адрес бывших врагов, ставших «братьями по славе». И все-таки остановимся на этой проблеме, имеющей и духовную сторону, подробнее.

Версия о «поражении» русских войск в Бородинском сражении построена: во-первых, на цифрах потерь сторон – утверждается, что потери русских были значительно больше, чем у французов; во-вторых (и это – самое главное), на отступлении русской армии после сражения и занятии Москвы армией Наполеона. При этом нереализованному намерению Кутузова «защитить Москву» придается абсолютный и безусловный характер. Однако первая часть аргументации, используемой сторонниками данной версии, вовсе не представляется очевидной. Цифры потерь сторон, равно как и численность сторон перед битвой, остаются предметом дискуссии, очень далекой от завершения. Л. Л. Ивченко выражает немалые сомнения в том, что Кутузов решился отстаивать Москву во что бы то ни стало, так как применительно к Бородинскому сражению приходится говорить об «отсутствии простого равенства в силах: превосходство за счет ополченцев не в счет». Лидия Леонидовна справедливо полагает, что непримиримые критики Кутузова в любом случае нашли бы повод для новых нападок на него: «Сейчас Кутузова упрекают в том, что он не добился победы при численном преобладании, а если бы он ввел в бой ополченцев, то, вероятно, его обвинили бы в том, что он бросил в сражение необстрелянных и необученных людей». Она также не находит «достаточно оснований утверждать, что Кутузов, решившись на эту битву, собирался отстаивать Москву до последнего солдата, не имея сведений ни о резервах, ни о поддержке фланговых армий».⁶³ Констатируя господство концепции Н. А. Троицкого, многие утверждения которого превратились в аксиомы, в современной российской историографии войны 1812 г., Ивченко задается «вопросом: почему столько веры на слово автору монографии о М. И. Кутузове профессору Н. А. Троицкому, который большую часть жизни изучал проблемы народников?». Со своей стороны, она предлагает «признать» отсутствие «самого главного источника для создания «сбалансированного» научного знания о тех далеких событиях – рассказа о них самого М. И. Кутузова с учетом мнений своих оппонентов». Ивченко уверена «в том, что, если бы Кутузову было отпущено еще несколько лет жизни, он бы легко справился со всеми своими оппонентами и нашел бы убедительное объяснение всем тем обстоятельствам, над которыми почти два столетия ломают головы специалисты».⁶⁴

В своей новой монографии о М. И. Кутузове⁶⁵ Л. Л. Ивченко принимает наиболее устойчивую на сегодняшний день версию о потерях сторон в Бородинском сражении: «русская армия потеряла 24–26 августа от 45 до 50 тыс. чел., а Великая армия – около 35 тыс.», – с уточнением, что «вопрос о потерях сторон на сегодняшний день является дискуссионным, так же как и ответ на другой вопрос, неизменно возникающий в связи с итогами Бородинской битвы: чья победа?». Автор дает свой ответ на этот вопрос. Л. Л. Ивченко считает, что «неправомерно делать однозначные выводы о победе Великой армии, подсчитывая «очки», как в спортивном состязании, как то: захват села Бородина, захват флешей, захват Семеновского, захват батареи Раевского, отступление с поля боя, вступление в Москву и т. д. В этом случае абсолютно не учитываются причины, побудившие обе стороны вступить в сражение, и цели, которые в нем преследовались, сопоставление планов с достигнутыми результатами». Автор напоминает, что причины, побудившие Кутузова дать генеральное сражение, носили «нематериальный характер», а именно – диктовались необходимостью «под-

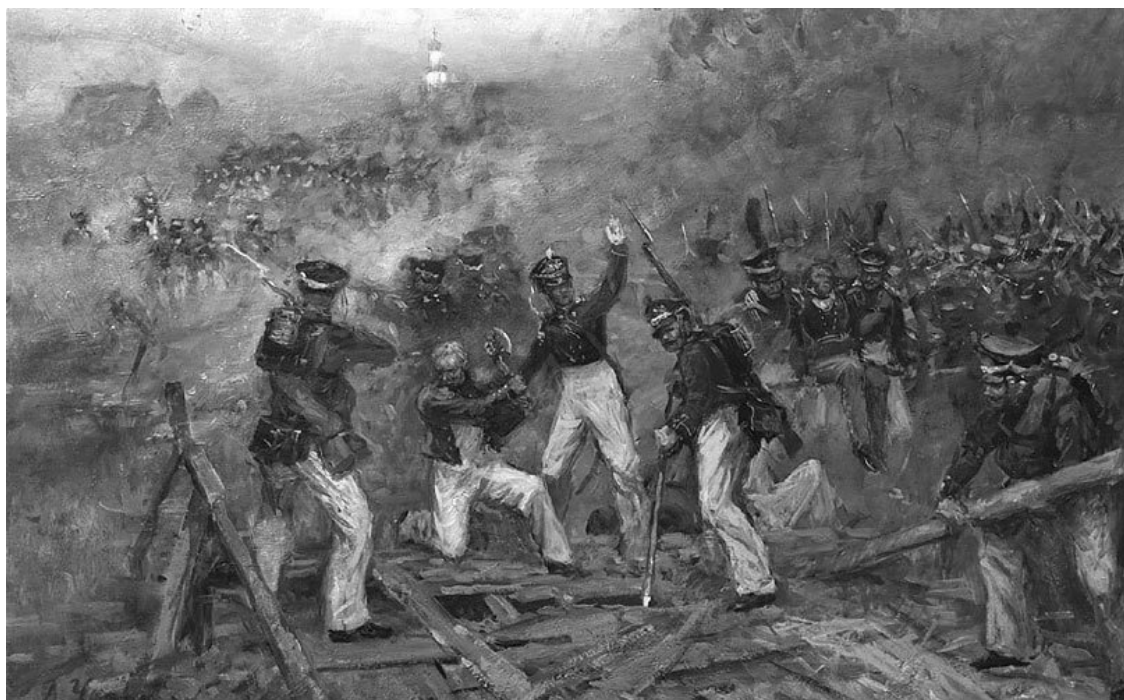
⁶³ Ивченко Л. Л. Указ. соч. // Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года. – С. 184–185.

⁶⁴ Там же. – С. 194–196.

⁶⁵ См.: Ивченко Л. Л. Кутузов. – М., 2012.

держат моральный дух русских воинов, требовавших сражения». Кроме того, Кутузов не имел достоверных сведений ни о дополнительных резервах, на которые мог рассчитывать неприятель, «ни о фланговых армиях Тормасова и Чичагова», прикрывавших южное направление и призванных оказать главным силам русских войск наиболее значимое «содействие». Поэтому, заключает Ивченко, «при любом исходе битвы он не мог развить успех без подкреплений. Как бы сложно ни было для Кутузова решиться на генеральное сражение, каких бы усилий и жертв ни потребовалось от него и от начальствуемой им армии, чтобы выстоять при Бородине, однако самое тяжелое предстояло ему потом, на следующий день после битвы. Это был день, когда после невероятного подъема патриотического духа, всех подвигов самопожертвования он вынужден был отдать приказ об отступлении». В этот «день без иллюзий» было суждено сбыться пророческим словам Михаила Илларионовича, сказанным накануне сражения: «Французы переломают о нас свои зубы, но жаль, что, разбивши их, нам нечем будет доколачивать». Во время сражения Кутузов стремился, прежде всего, «сохранить дух в войсках, не допустить разгрома, способного превратить его армию в толпу». Выполняя волю главнокомандующего, русские войска были «должны выстоять прежде, чем он уведет их с позиции». Дальнейшее же удержание этой позиции «было невозможно, а главное, бессмысленно, так как не существовало ни одного условия, позволявшего развить успех». Драма Кутузова в Бородинском сражении состояла еще и в том, что он не мог ознакомить «соратников» со своими «расчетами и сомнениями», дабы не лишить их веры в победу. Л. Л. Ивченко прямо опровергает мнение Н. А. Троицкого о том, что Кутузов имел «определенное намерение защитить древнюю столицу». Последнее намерение в официальной переписке Кутузова снабжено множеством оговорок, которые гораздо более определенно указывали на другое его первостепенное намерение – «сохранить боеспособную армию». Автор убедительно доказывает, что приказание Кутузова о возобновлении сражения на следующий день после Бородина – 27 августа 1812 г., данное им накануне вечером М. Б. Барклаю де Толли и Д. С. Дохтурову, отнюдь не было лукавством. Напротив, в тот момент оно было вызвано необходимостью, по словам главнокомандующего, «сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок», так как, в противном случае, «всякое отступление при теперешнем беспорядке повлечет за собою потерю всей артиллерии». Ивченко отмечает: «Из этого документа явствует, что русские войска в сражении выстояли, коль скоро Кутузов, по необходимости, но вопреки своей воле, готов был вновь принять сражение». Наконец, автор опровергает еще один расхожий миф о том, что Кутузов якобы заранее предрешил вопрос об оставлении Москвы. Из переписки Кутузова с Александром I, относящейся к последним числам августа 1812 г., следует, что решение оставить Москву без боя было принято Кутузовым только после того, как его войска были оставлены без обещанных ранее мощных подкреплений. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что Кутузов был довольно искренен, когда 29 августа 1812 г., т. е. через три дня после Бородинской битвы, направил своей жене – Екатерине Ильиничне короткое, но теплое письмо с известием, что «выиграл баталию над Бонопартием».⁶⁶

⁶⁶ Там же. – С. 402–405; полный текст письма М. И. Кутузова к Е. И. Кутузовой от 29 августа 1812 г. – см.: *М. И. Кутузов. Сборник документов.* – Т. IV. – М., 1954. – С. 181.

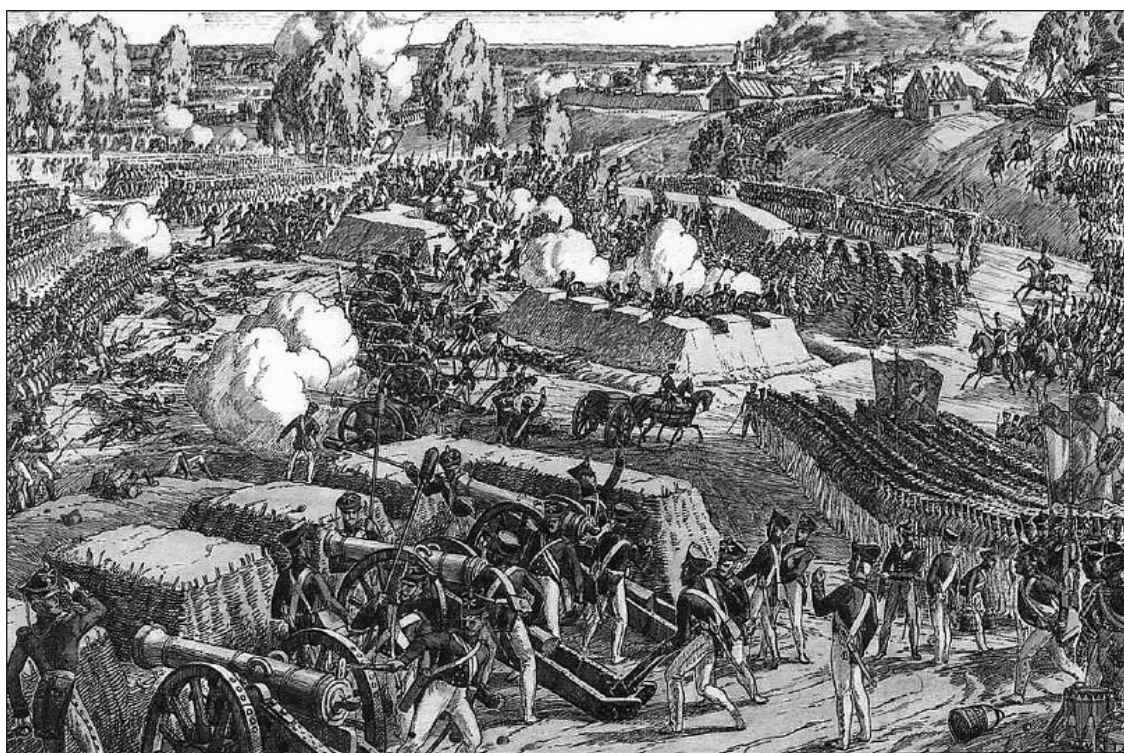
«Бородино. Бой у реки Колочи»

«Атака гвардейских егерей и матросов у села Бородино». Худ. В. Келлерман

«Бой за Утицкий курган». Худ. О. Пархаев

«Бой за Семеновские флеши». Худ. О. Пархаев

Мнение Л. Л. Ивченко о том, что у Кутузова, в случае пополнения его военных сил надлежащими подкреплениями, имелись реальные шансы не допустить оставления Москвы и даже добиться разгрома Наполеона на подступах к ней, разделяет Е. В. Анисимов. Он убежден, что если бы 3-я армия генерала А. П. Тормасова (46 тыс. чел., 168 орудий), которая прикрывала направление на Киев и которую на Волыни могла заменить Дунайская (Молдавская)

армия адмирала П. В. Чичагова (57,5 тыс. чел.), вовремя пополнила главные силы Кутузова, то Наполеона уже в августе 1812 г. ожидала бы судьба, постигшая его в битве при Ватерлоо. «Рокировки» армий Тормасова и Чичагова с конца июля 1812 г. добивался генерал П. И. Багратион, этот замысел поддержал и Кутузов после своего назначения главнокомандующим. Багратион призывал к срочному осуществлению этой меры ближайшего помощника царя – графа А. А. Аракчеева (в письме от 26 июля 1812 г.), а Кутузов обратился с соответствующими письмами к Чичагову и Тормасову (20 августа). Однако время было упущено. *«Думаю, – пишет Анисимов, – что главная вина за это упущение полностью лежит на императоре Александре, который только один был вправе решать вопросы подобного масштаба. А он, уезжая из действующей армии, не только не передал Барклаю (...) командование 1-й и 2-й армиями, но и словом не обмолвился о судьбе южных армий. И только тогда, когда Кутузов был назначен главнокомандующим всеми русскими армиями, встал вопрос о координации их действий. Но поздно! А как 1-й и 2-й армиям, захлебывавшимся кровью на Бородинском поле, не хватало помощи 3-й армии, которая бы подошла к Бородину, подобно армии Блюхера, в решающий момент поспевшей на поле Ватерлоо, и бросила бы на колеблющиеся тогда весы свою гирю – свыше 40 тыс. солдат! Несомненно, тогда Наполеон был бы утром и днем 27 августа разгромлен, его старая гвардия погибла бы, Москва бы не сгорела и вообще история пошла бы по другому пути...»*.⁶⁷

Еще одним опровержением поражения русских войск в Бородинской битве является реакция командующего 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли, который никогда, в силу своего характера, не славился особым оптимизмом, на одно из самых драматических событий сражения – захват французами батареи Раевского. Узнав об этом, Барклай спокойно заметил: «Это печально, но мы возьмем ее обратно завтра, а может быть, французы покинут ее сегодня ночью». Слова Михаила Богдановича свидетельствовали, как отметил С. Ю. Нечаев, о его уверенности «в том, что на другой день сражение будет продолжено».⁶⁸ К сказанному можно добавить: *Барклай де Толли твердо верил в возможность выиграть сражение.*

В трудах зарубежных историков по проблемам Наполеоновских войн мы не встречаем того кипения страстей вокруг «битвы на Москве-реке», которое находим в современной отечественной историографии. Зато в лучших исследованиях иностранных авторов есть немало рационализма и объективности, которые весьма полезны для более «сбалансированного» взгляда на обсуждаемые темы.

В одном из самых выдающихся фундаментальных исследований о Наполеоновских войнах – книге английского историка Дэвида Чандлера «Военные кампании Наполеона» (1966)⁶⁹ Бородинскому сражению посвящена отдельная глава.⁷⁰ По данным Чандлера, в начале похода от Смоленска к Москве общая численность наполеоновских сил составляла 156 тыс. чел. (124 тыс. – пехота, 32 тыс. – кавалерия), армия Наполеона располагала при этом 587 пушками. Русские войска насчитывали тогда не менее 120,8 тыс. чел. (72 тыс. – пехота, 17 тыс. – регулярная кавалерия, 14,5 тыс. – канониры, 7 тыс. – казаки, и предположительно 10 тыс. – ополченцы), в их распоряжении имелось 640 артиллерийских орудий.

Британский историк критикует «недостатки» диспозиции русских войск и их подготовки к сражению: «Во-первых, непропорционально большое количество войск было поставлено в северном, колочском секторе. Конечно, Кутузов не мог знать точно, куда будет направлен удар французов. Но, учитывая то, что река перед его правым крылом имеет очень

⁶⁷ Анисимов Е. В. Багратион. – М., 2012. – С. 744–746.

⁶⁸ Нечаев С. Ю. Барклай-де-Толли. – М., 2012. – С. 229.

⁶⁹ Русский перевод – см.: Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. – М., 2011.

⁷⁰ Глава 70 («Бородино») – см.: там же. – С. 648–664.

крутые берега, что большая часть местности на его правом фланге состоит из болот и что, судя по сообщениям, Наполеон подходит по обоим почтовым трактам (то есть в направлении левого фланга русских), можно было бы заранее определить наиболее вероятное направление главного удара Наполеона и с самого начала поместить меньше войск на своем правом фланге. Второй недостаток связан с первым. Открытый характер местности к югу от русской позиции предоставлял удобную возможность охватывающей атаки противника, и здесь необходимо было бы предусмотреть, где определить господствующее положение. Кутузов поступил бы мудрее, поставив мощный резерв из всех родов войск позади своего неприкрытого левого фланга. В-третьих, русская кавалерия и V корпус резерва были помещены слишком близко к линии фронта, вследствие чего им пришлось нести неоправданные потери. В-четвертых, русская иерархическая лестница команд была излишне усложнена; кроме ставки верховного командования Кутузова в Горках и двух армейских штабов, русские поделили каждый армейский район на подчиненные секторы (...) Это умножение штабов ничего не давало, кроме помех для быстрого прохождения приказов и точности их исполнения. Недостатком было также то, что редуты и флеши русских, хотя внешне и были внушительны, строились в спешке и, в сущности, плохо обеспечивали укрытие их гарнизона». Ошибкой русского командования он назвал и «расточительное чрезмерное растяжение главной позиции». Вместе с тем, Чандлер отмечал, что «несмотря на все эти недостатки, моральный дух русской армии был необычайно высок». Солдатское «воодушевление» еще более окрепло после молебна, состоявшегося накануне сражения – 6 сентября н. ст., когда «перед коленопреклоненными рядами всей армии торжественно пронесли чудотворную икону (...) Богоматери Смоленской».

План сражения, намеченный Наполеоном, также сопровождается критическим отзывом Чандлера, который счел замысел французского императора чересчур прямолинейным. «В этом плане, – писал британский историк, – не было никаких особых тонкостей; он состоял из серии мощных ударов против русской линии, которая при благоприятном исходе будет прорвана в одном или нескольких местах. Если бы Наполеон уделил больше внимания тактическому обходу русского левого фланга, исход сражения мог быть гораздо более удовлетворительным для него. Однако у него было так мало времени, что он отбросил все тонкие решения. Бородино должно было быть сражением на измор, где победа достанется грубой силой». Поведение Наполеона в день сражения также получило весьма низкую оценку Чандлера, обнаружившего у французского императора настоящий кризис дееспособности: «В этой битве он не проявил своих сильных сторон; его штаб поражался, видя его столь поникшим и апатичным. Весь день он не делал попыток тронуться с места, чтобы все видеть своими глазами. Вместо этого он пребывал в каком-то сонном состоянии на своем шевардинском командном пункте, выслушивая доклады и непрестанно требуя перепроверки полученных новостей. Нездоровье и накапливавшаяся усталость все тяжелее сказывались в нем. Несколько лет тому назад он сказал: «У каждого есть свое время для войны»».

Впрочем, и активность М. И. Кутузова не была высока. По словам Чандлера, «Кутузов также не руководил активно операциями русских на всем протяжении битвы. Большую часть времени внешне он проявлял мало интереса к тому, что происходит, и выказывал удивительно мало инициативы. Он оставлял своим командующим армиями почти все решения и лишь высказывал свое общее одобрение или несогласие с их предложениями, которые они представляли ему». Такую спонтанную децентрализацию русского военного управления в разгар генерального сражения и прочие «ошибки», допущенные «старшими военачальниками», пришлось исправлять русскому солдату. Чандлер считает, что «спасло русскую армию упорство, храбрость и стойкость простых солдат». Он особо похвалил ратников Московского ополчения, сражавшихся на русском крайнем левом фланге против корпуса Ю. Понятовского. Бой шел за курган восточнее Утицы (победа в этом бою открывала войскам

Наполеона путь в тыл русских армий, но даже конечный отход русских носил организованный и планомерный характер). Британский историк признал, что «московские ополченцы, очевидно, были стойкими воинами».

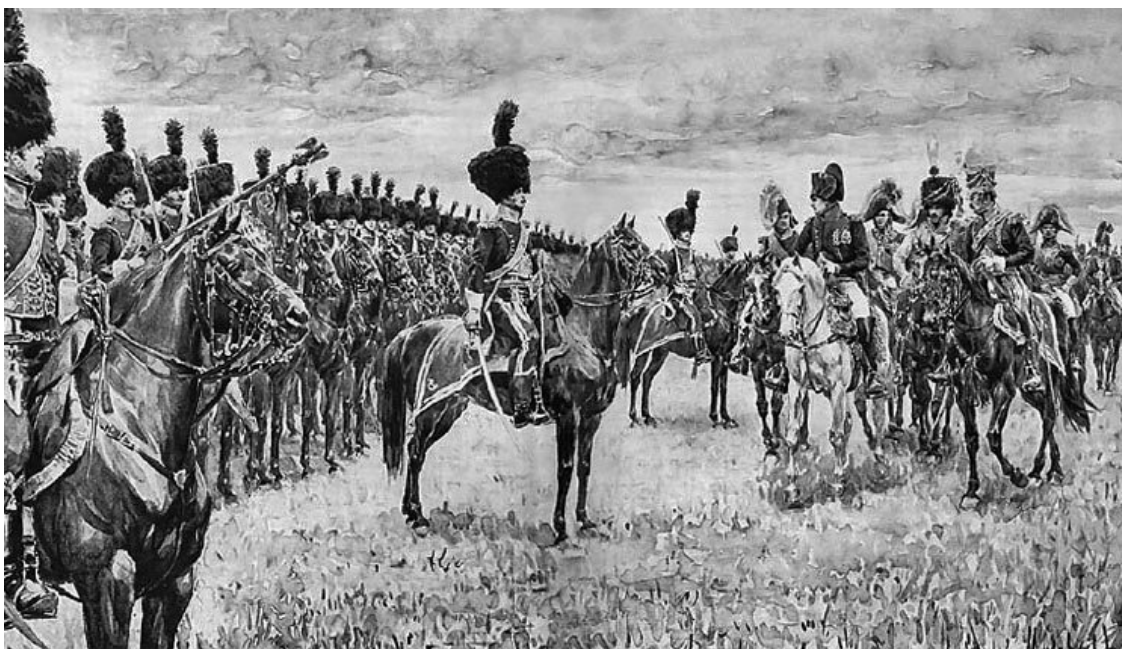
Исход Бородинского сражения Чандлер изобразил как фактически ничейный: «С обеих сторон медленно замерла стрельба, и оба измученных войска остались стоять лицом к лицу. Двенадцать часов непрерывного сражения дали французам только одну милю земли (...) Хотя формально Бородинское сражение и было победой французов, его нельзя представить той решающей битвой, которой так желал Наполеон. Оно наконец открыло дорогу на Москву и сделало захват французами Кремля практически реальностью, но то, что Кутузову удалось отвести 90.000 солдат с поля боя в хорошем порядке, означало, что военное могущество России отнюдь не уничтожено». Итак, «формально» признав победу Наполеона, Чандлер тут же оговорился: русская армия отступила «в хорошем порядке», а Россия сохранила свое «военное могущество». Данные о потерях сторон, приводимые Чандлером, так же, как и отвоеванная французами «одна миля земли», не являются свидетельством победы Наполеона. Потери французов убитыми и ранеными составили от 30 тыс. до «почти 50.000» – по данным «некоторых специалистов» (т. е. Чандлер допускает вероятную правдивость и этой цифры); потери русских – «по меньшей мере 44.000 воинов». Автор привел следующие потери в рядах командного состава наполеоновской армии: 1 маршал (Даву) ранен; убито и ранено, как минимум, 14 генерал-лейтенантов, 33 генерал-майора и, согласно французским спискам, 32 штабных офицера, 86 адъютантов, 37 командиров полков. Наконец, «в целом потери с обеих сторон составили почти 30 % от их численности». По словам Чандлера, «хотя Наполеон по своему обычаю пытался представить результат как значительное достижение, у него были достаточные причины для горького разочарования». Перед сражением французский император выражал уверенность в победе, но особенно желал захватить большое количество пленных, чтобы сделать свою победу окончательной (т. е. разгромить русскую армию). «Но в этом отношении Бородино дало очень скудный результат», – констатирует Чандлер. Французам досталось 700–800 пленных и 20 «разбитых пушек». Признавая «победу» Наполеона «неполной», историк резюмировал: «Поэтому, хотя Бородинское сражение открыло французам дорогу на Москву, оно было лишь формальным триумфом для французского оружия, оно не принесло мира». Иными словами, политический замысел Наполеона, заключавшийся в разгроме русских войск и принуждении России к заключению выгодного для Франции мира, потерпел провал. Критикуя Наполеона за военные просчеты, Д. Чандлер, однако, не относил к числу таковых неоднократные отказы императора Франции «добавить в трудные моменты войск из гвардейских резервов» и даже считал, что эти решения «в целом были глубоко продуманы. Наполеон всегда помнил, что от французской границы его отделяют 1200 миль, и, следовательно, считал необходимым, чтобы его последнее крупное соединение осталось бы целым – так требовало благоразумие». В итоговой оценке действий русских войск британский историк отмечал наличие как просчетов, так и разумных шагов русского командования (использование всех без исключения резервов он, как это ни парадоксально, относит именно к категории правильных действий), а также прославлял великий подвиг русских солдат. «Вполне естественно, – писал он, – что и русские тоже допустили ряд ошибок, несмотря на которые они все же выжили (...) В отличие от Наполеона русские своевременно ввели в бой все имевшиеся резервы. Русские пехотинцы держались за брустверы своих наспех сооруженных укреплений буквально до последнего вздоха. Малое количество пленных – еще одно доказательство бесконечной храбрости и высокого морального духа русских солдат. *Все эти достоинства простых воинов лишили Наполеона его решающей победы (курсив мой. – В. В.)*».

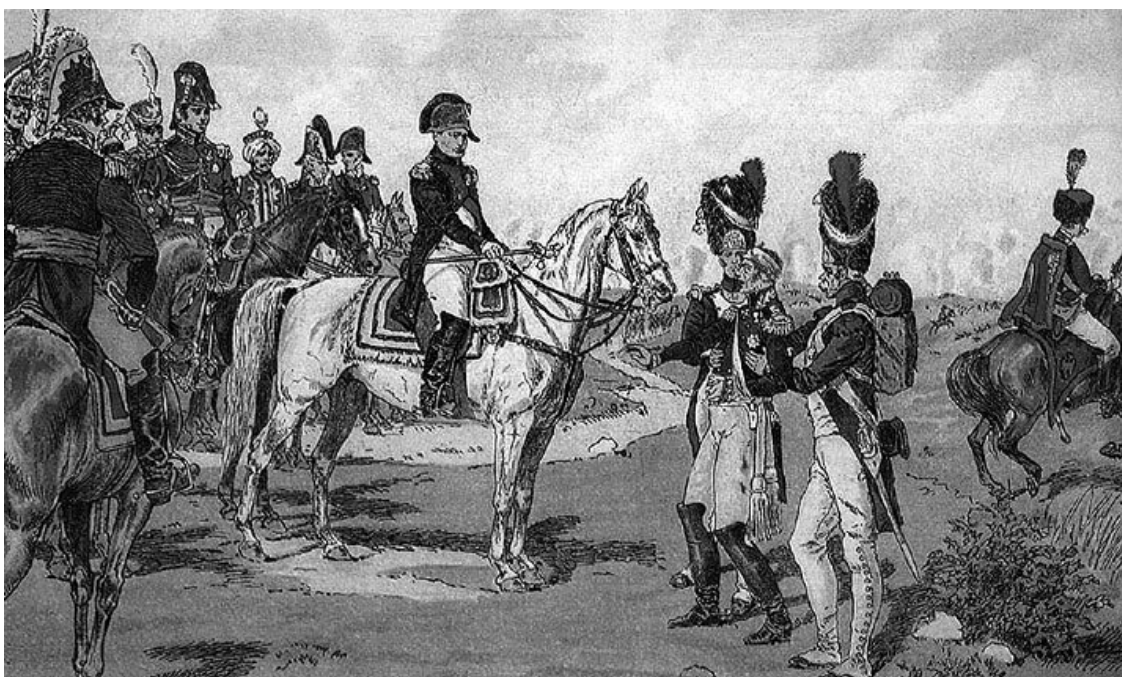
«Московские ополченцы в боях на Старой Смоленской дороге». Худ. В. Келлерман

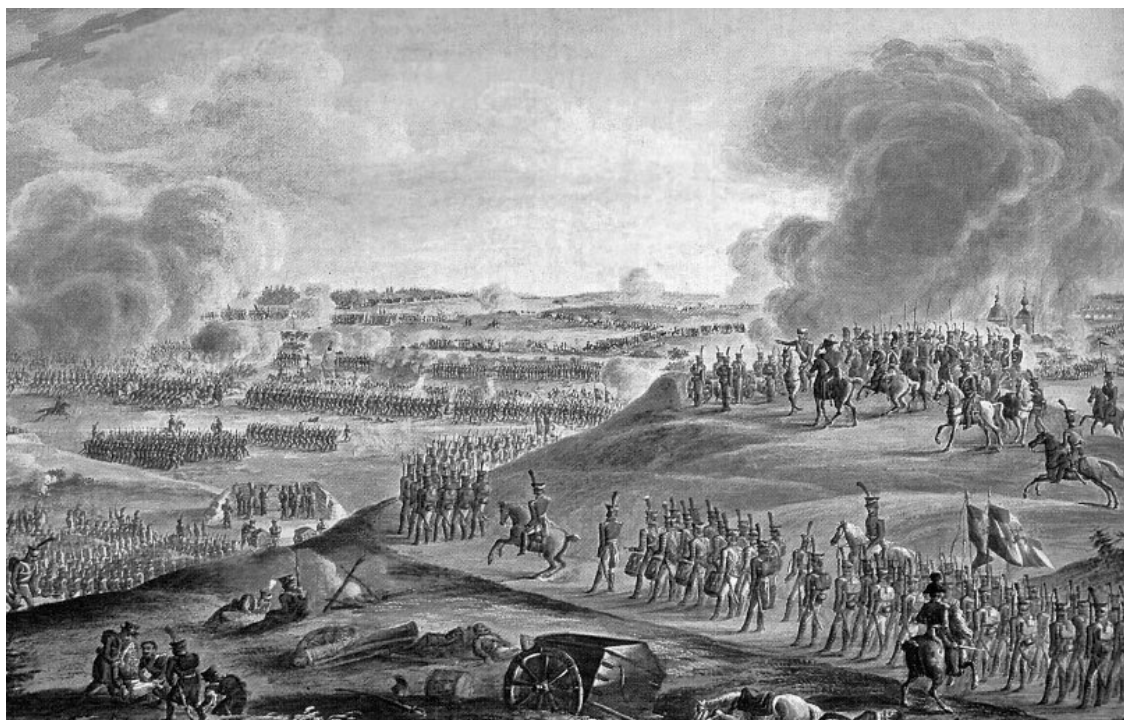
«Живой мост». Худ. Ф. Рубо

«Смотр кавалерии Наполеоном». Худ. Ф. де Мирбах

«Отказ пленного русского генерала П. Г. Лихачева принять шпагу из рук Наполеона». Хромолитография А. Сафонова. Начало XX в.

«Бородинское сражение». Неизв. художник, 1-я четв. XIX в.

После Бородинского сражения заметно изменился характер наступательных действий «головных частей французской армии», численность которой сократилась до 100 тыс. чел., против отступающего неприятеля. По словам Чандлера, «их движение от Бородина не было подлинным преследованием противника – это, скорее, было «почтительное следование»». Кроме того, сдача Москвы «без боя» состоялась после «переговоров» командира русского арьергарда генерала М. А. Милорадовича с французским генералом О. Себастиани. Достигнутая договоренность гарантировала русской стороне «право беспрепятственной эвакуации». По мнению Чандлера, «в прежние годы Наполеон никогда бы не пошел на такое соглашение, но на этот раз император был сам рад завладеть русской столицей без дальнейшей траты сил. Его солдаты были в оборванной форме, голодные, страдали от жары, жажды и болезней; от тифа и дизентерии погибали не меньше, чем от русских пуль». Все это, вместе взятое, должно было привести французского императора к осознанию того, что «весь этот путь в Москву был и не нужен».

Вот так выглядит «победа» Наполеона в Бородинской битве в описании одного из лучших британских военных историков XX века!

Современный британский историк и крупнейший специалист по проблеме участия России в Наполеоновских войнах, научный сотрудник Британской Академии и профессор Кембриджского университета **Доминик Ливен** дает наивысшую оценку действиям русской армии во время кампаний 1812 и 1813–1814 гг., даже в период ее отступления летом 1812 г. Он пишет: «Долговременные отступления – тяжелое испытание для дисциплины, сплоченности и морального духа армии. Возможно, русская армия была единственной армией в Европе, которой под силу было отступать, преодолев огромное расстояние от Вильны до Москвы, вступить в такую битву, как Бородино, и при этом сохранить целостность». Ливен – большой друг России – не скрывает досады от тенденциозности «западной историографии», которая «во многом рассматривает кампанию 1812 года глазами Франции или же минимизирует роль России в 1813–1814 годах». Он также жалеет, что и в самой России с намного большей охотой вспоминают о победе 1812 г., чем о еще более триумфальных победах русского оружия в Заграничном походе 1813–1814 гг. Любопытно, что слово «мифология» не

является для историка ругательным. «Гораздо более интересным, – отмечает Ливен, – представляется вопрос: почему российская национальная мифология также в значительной степени забывает 1813–1814 годы, таким образом сильно недооценивая достижения России? На первый взгляд, ответ прост. Самым доблестным моментом для любой нации является защита родной земли своими силами, в одиночку, когда нет нужды делить славу с союзниками или беспокоиться о запутанных вопросах международной политики. Британцы очень гордятся 1940 годом именно по этой причине. Но даже в этом случае они не забывают высадку в Нормандии в 1944-м или окончательную победу в 1945-м. В том же ключе русские, отчетливо помня о Сталинграде, не забывают и 1944-й, и 1945-й, и День Победы, ознаменованный взятием Берлина. Так что остается загадкой, почему последующие поколения помнят о Бородино, но забывают о Лейпциге или вступлении в Париж».⁷¹ Замечание Д. Ливена, конечно, справедливо. Однако Бородинское сражение приблизило наступление того времени, когда, говоря словами А. С. Пушкина, «скоро силою вещей мы очутились в Париже, а русский царь главой царей» («Евгений Онегин», гл. 10, IV).

«Бой за Шевардинский редут. Атака Малороссийского кирасирского полка». Худ. А. Ю. Аверьянов

В своей новой книге «Россия против Наполеона»⁷² Д. Ливен подробно проанализировал различные обстоятельства Бородинского сражения. Так, он отметил значительные неудобства русской позиции перед битвой. «Очень хорошим» оказалось только «первое впечатление» русских штабных офицеров от занятой там позиции: «Фланг войск, расположившихся на любой стороне от дороги, был бы защищен Москвой-рекой, тогда как прямо перед ними серьезной преградой для противника служили крутые берега р. Колочи». Вместе с тем, по словам Ливена, «серьезные проблемы можно было обнаружить при внимательном

⁷¹ Ливен Д. Право одержать победу. Россия против Наполеона // Родина. – 2012. – № 6. – С. 31, 32.

⁷² Lieven D. Russia Against Napoleon. The Battle for Europe, 1807 to 1814. ALLEN LANE an imprint of PENGUIN BOOKS, 2009; русский перевод – см.: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 [пер. с англ. А. Ю. Петрова]. – М., 2012.

взгляде на левый фланг этой позиции, находившийся к югу от главной дороги». До сражения за Шевардинский редут (24 августа 1812 г.) русские войска занимали «позицию вдоль линии, проходившей от с. Маслово к северу от дороги, через Бородино на главной дороге к возвышенности в районе Шевардино на левом фланге. Центр позиции мог быть усилен за счет кургана, который находился к юго-востоку от Бородино и стал знаменитым редутом Раевского. В то же время левый фланг мог располагаться в Шевардино, которое П. И. Багратион начал укреплять». Но вскоре Багратион убедился в крайней уязвимости русской позиции на левом фланге, который занимала его 2-я Западная армия. Историк поясняет: «Находившийся у него (*Багратиона*. – В. В.) в тылу овраг нарушал коммуникации. Еще важнее было то, что Старая Смоленская дорога подходила к его позициям с запада и проходила непосредственно за ними, соединяясь с главной дорогой в тылу позиции русских. Устремившийся по этой дороге противник легко мог атаковать фланг Багратиона и отрезать его армии путь отступления к Москве».⁷³ Д. Ливен обращает внимание на то, что оставление русскими села Шевардино было следствием не столько успешного наступления французов, сколько решения самого русского командования переместить левый фланг «на новую линию, которая находилась за пределами Шевардино, начиналась сразу к югу от Бородино и представляла собой линию, тянувшуюся к деревне Утица на Старой Смоленской дороге». В бою за Шевардинский редут, отбив «несколько яростных атак французов с целью прикрыть отход основных сил на новую позицию», русские потеряли 5–6 тыс. чел.; «урон», понесенный французами, был «чуть меньшим».⁷⁴ Уход русских с Шевардинского редута, вызванный тактическими соображениями, позволил улучшить русскую позицию, но принес с собой и новые риски: замены хорошо укрепленному Шевардинскому редуту не нашлось; кроме того, большая часть русских войск, сосредоточенных близ Бородина, была поставлена под удар неприятельской артиллерии и едва ли не под угрозу окружения. «Новая линия, безусловно, была безопаснее, – считает Д. Ливен, – поскольку она перекрывала Старую Смоленскую дорогу. Однако чтобы этого достичь, пришлось оставить прочную позицию в Шевардино и растянуть войска на местности между Бородино и Утицей, что совсем не играло на руку защитникам новых рубежей. Кроме того, резко сворачивая на юг рядом с Бородино и редуту Раевского, русская линия теперь являлась своего рода выступом по отношению ко всем войскам, расположенным на пространстве между Бородино и левым флангом линии П. И. Багратиона за деревней Семеновское, и была уязвима для перекрестного огня французской артиллерии».⁷⁵ Итак, русские войска втягивались в генеральное сражение, занимая во многих отношениях невыгодные для себя позиции. Не имея ни малейшей возможности уклониться от решающего боя, они вполне могли быть разгромлены «Великой армией», что обрекло бы Россию на поражение в войне. Для Наполеона, военный гений которого рождался из незаурядных дарований артиллерийского офицера, это был своего рода подарок судьбы.

⁷³ Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. С. 265–266.

⁷⁴ Там же. С. 266.

⁷⁵ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.